OSHO

Что говорил Будда

АЛМАЗНАЯ СУТРА

ОШО

ВЕСЬ

Ошо-классика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

Алмазная сутра. Что говорил Будда

ИГ "Весь"

2017

УДК 159.9
ББК 86.39

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Алмазная сутра. Что говорил Будда / Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", 2017 — (Ошо-классика)

ISBN 978-5-9573-3229-9

Книга, которую вы держите в руках, посвящена знаменитой Алмазной сутре – уникальному тексту, древнейшему памятнику буддизма. В ней даны основные принципы достижения просветления, изложенные в форме бесед Будды со своим учеником по имени Субхути. До сих пор сутра остается загадкой для многих искателей: что на самом деле хотел сказать Будда? почему этот текст так ценится теми, кто достиг Истины? как с его помощью можно прийти к высшему пониманию? Комментируя сутру, Ошо открывает завесу этой тайны: он делится своим видением буддийского учения, раскрывает суть взаимоотношений ученика и мастера и помогает современному искателю познать вкус истины. Алмазная сутра – это бриллиант, самый ценный бриллиант, существующий в мировой литературе. Никто так не говорил, никто так высоко не взлетал. Но если вы чувствуете, что не можете взлететь так высоко, не останавливайтесь. Делайте усилия. Даже если вы сможете пройти совсем немного, сделать всего несколько шагов к неизвестному, вы станете богаче (ОШО).

УДК 159.9
ББК 86.39

ISBN 978-5-9573-3229-9

© Раджниш (Ошо) Б. Ш., 2017
© ИГ "Весь", 2017

Содержание

Глава I. Царство нирваны 7
Глава 2. Освобожденная любовь 22
Глава 3. Колесо дхармы 35
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Ошо
Алмазная сутра
Что говорил Будда

Перевод с английского Н. Н. Лаврентьева
под редакцией В. Н. Тимшина (Swami Prabodh Vardhan)
Дизайн обложки Ю. Давыдовой

Серия «*Ошо-классика*»

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Switzerland, www.osho.com.

* * *

Глава I. Царство нирваны

Глава 1

Царство нирваны

Так я слышал. Когда-то Будда обитал возле Шравасти… Однажды ранним утром Превосходнейший оделся, взял свою чашу и отправился в великий город Шравасти за подаянием. Возвратившись, он совершил трапезу, отложил в сторону чашу и омыл ступни. Затем сел, скрестив ноги, на приготовленное для него место и, выпрямив спину, сосредоточил внимание на пространстве перед собой. Возле него собралось множество монахов, которые, приветствуя учителя, склонили головы к его ногам, трижды обошли вокруг него и сели рядом с ним.

Среди собравшихся находился преподобный Субхути. Он поднялся со своего места, перекинул через плечо часть своего одеяния, а потом преклонил правое колено и, почтительно сложив ладони, обратился к Будде: «Замечательно, о Превосходнейший, чрезвычайно замечательно, о Правильно Ушедший, что так много бодхисаттв, поистине прекрасных существ, получили величайшую помощь от Татхагаты…[1] Скажи, о Превосходнейший, как удержаться тому, кто оказался в колеснице бодхисаттв, как ему совершенствоваться, как контролировать свои мысли?»

После этих слов Превосходнейший сказал: «Следовательно, Субхути, слушай хорошо и внимательно! Тот, кто оказался в колеснице бодхисаттв, должен думать следующим образом: сколько бы ни было существ во вселенной и тех, кого можно назвать существами, всех я должен привести к нирване, в царство нирваны, за пределами которого ничего не остается. И еще: хотя бесчисленное множество существ приводилось к нирване, никто полностью не был к ней приведен. И почему? Если в бодхисаттве все еще жива идея о „сущности“, он не может называться пробужденным существом. И почему? Нельзя называть пробужденным того, в ком сохранилось представление о

[1] Татхагата – один из основных эпитетов Будды. Это слово на санскрите может интерпретироваться и как «Правильно Ушедший», и как «Правильно Пришедший» (или и «Так Ушедший», и «Так пришедший»). – Здесь и далее примеч. ред.

собственном „я“ или о какой-либо сущности, а также понятие о живой душе или личности».

Я люблю Гаутаму Будду, так как он олицетворяет для меня истинную суть религии. Он не является основателем буддизма, буддизм – это побочный продукт. Но он стал зачинателем совершенно нового рода религии в мире. Он основал бескультовую религию. По сути, он провозгласил не религию, а религиозность. И это коренным образом изменило человеческое сознание.

До Будды тоже существовали религии, но никогда не было чистой религиозности. Человек тогда еще был незрел. С Буддой человечество вступило в зрелый возраст. Правда, не все люди достигли его, но Будда указал путь; он открыл «врата без ворот». Чтобы постичь столь сокровенное учение, требуется время. Послание Будды – самое глубокое из всех существовавших ранее. Никто до него не проделал подобной работы, никто не прошел такого пути. Никто другой не источает столь чистый аромат.

Другие основатели религий, другие просветленные шли на компромисс со своей аудиторией. Будда же оставался бескомпромиссным, отсюда его чистота. Его не заботит ваша способность к пониманию, его волнует только истина, и он говорит о ней, не беспокоясь о том, понимаете вы ее или нет. С одной стороны, это выглядит жестоким, с другой – это великое сострадание.

Истина должна быть высказана такой, какова она есть. В тот момент, когда вы идете на компромисс, вы низводите истину до уровня обыденного человеческого сознания. Она утрачивает свою душу, становится фальшивой и превращается в нечто мертвое. Вы не можете опускать истину до уровня человеческих существ; человеческие существа должны быть подняты до уровня истины. В этом и заключается великая работа Будды.

Двадцать пять веков назад одним ранним утром, – возможно, таким же, как сегодня, – появилась на свет эта сутра. В присутствии тысячи двухсот пятидесяти монахов. Случилось это в городе Шравасти. В те времена это был большой город. Слово *шравасти* означает «Город Славы». И это был один из самых знаменитых городов древней Индии; в нем проживало девятьсот тысяч семей. Сейчас этот город полностью исчез. Осталась только очень, очень маленькая деревушка – вы не найдете ее названия ни на одной карте. В настоящее время она называется Шахет-Махет. Невозможно поверить, что там когда-то существовал большой город. Такова жизнь: все меняется. Города превращаются в кладбища, кладбища – в города… Жизнь – это поток.

Будда, несомненно, любил этот город, потому что из сорока пяти лет своего служения он двадцать пять лет оставался в Шравасти. Он, должно быть, любил людей, живших в этом городе. По всей видимости, эти люди обладали очень развитым сознанием. Все великие сутры Будды, почти все, появились в Шравасти. В том числе и Алмазная сутра.

Санскритское название этой сутры – *«Ваджраччхедика Праджняпарамита сутра»*. Оно означает высшую степень мудрости, которая пронзает, как молния. Если вы позволите, Будда может пронзить вас подобно молнии. Он может обезглавить вас. Может убить вас и помочь вам родиться заново.

Будда является одновременно и убийцей, и матерью. С одной стороны, он должен убивать, с другой – наделять каждого из вас новой сущностью. А новая сущность может возникнуть только тогда, когда полностью разрушена старая. Только на останках старого рождается новое. Человек – это феникс. Птица феникс – не только мифологический образ, но еще и метафора. Она является символом человека. Нигде, кроме как в самом человеке, феникса не существует. Человек и есть то самое существо, которое должно умереть, чтобы родиться снова.

Вот что по этому поводу Иисус сказал Никодиму… Никодим был профессором, ученым человеком, раввином, членом совета, управлявшего огромным храмом Иерусалима. Он

пришел к Иисусу под прикрытием ночи. Никодим не смог отважиться прийти к нему днем, он боялся того, что будут говорить об этом люди. Он был всеми почитаем, его так уважали. И идти к бродячему учителю, к тому, кого ненавидят раввины и ученые?.. Идти к тому, кто знается с ворами, пьяницами и проститутками? Но что-то в Никодиме очень жаждало встречи с этим человеком. Возможно, он видел Иисуса, когда тот шел к храму… Должно быть, где-то в глубине души Никодим чувствовал сильное притяжение к нему. Поэтому он не смог справиться с собой.

Однажды ночью, когда все разошлись, когда даже ученики отправились спать, он пришел к Иисусу и спросил: «Что я должен сделать, чтобы тоже войти в царство Божие?»

И Иисус сказал: «Пока ты не умер, ничего невозможно сделать. Когда умрешь, только тогда ты сможешь войти в царство Божие. Тому, кто ты есть, придется умереть, только так ты сможешь родиться как истинная сущность».

Чтобы истинная сущность проявилась, эго должно умереть. В этом смысл Алмазной сутры. Она пронзает подобно молнии, способной разрушить вас одним ударом. Это одно из величайших наставлений Будды. Настройтесь на него.

Прежде чем мы углубимся в сутру, необходимо кое-что объяснить… Это поможет вам понять ее суть. Гаутама Будда создал духовность, которая не подавляет и которая не идеологична. Это очень редкое явление. Обычный тип духовности, ее культивированный вид, рассчитан на подавление. Такая духовность обусловлена идеей подавления. Она не трансформирует человека, а только калечит его. Она не освобождает человека, а порабощает его. Она деспотична и уродлива.

Прислушайтесь к словам Фомы Кемпийского, автора «Подражания Христу». Он пишет: «Чем больше насилия вы совершаете над собой, тем сильнее утверждаетесь в благодати. Нет иного пути спастись, кроме как ежедневно умерщвлять свою плоть. Презирать себя – вот самый лучший и самый безупречный совет».

В течение веков были тысячи святых, которые придерживались тех же взглядов, что и Фома Кемпийский. Хотя Фома Кемпийский патологичен. Или послушайте, что заявляет французский священник Боссэ: «Проклятие земле! Проклятие земле! Тысячу раз – проклятие земле!»

Почему? Почему земля должна быть проклята? Почему жизнь должна быть проклята? Эти люди думали так, будто Бог настроен против жизни, будто жизнь настроена против Бога. Но жизнь *есть* Бог, между ними нет никакого антагонизма, даже нет никакого разделения. Это не разные явления, это два имени одной реальности.

Помните: Будда не подавляет. И если вы найдете буддистских монахов, которые занимаются подавлением, знайте: они вообще не поняли Будду. Они внесли в его учение собственную патологию.

И Будда не является идеологом. Он не создал никакой идеологии, поскольку все идеологии исходят из ума. А если идеологии исходят из ума, они не могут вывести вас за пределы ума. Ни одна из них не может стать мостом, пройдя по которому, вы могли бы оказаться за пределами ума. Все идеологии должны быть отброшены, только тогда будет отброшен ум.

Будда также не верит ни в какие идеалы, потому что идеалы создают в человеке напряжение и конфликт. Они разрушают вас и приносят вам страдания. Вы являетесь одним существом, а идеалы заставляют вас быть кем-то другим. Вы мечетесь между этими двумя состояниями, разрываетесь на части. Идеалы причиняют вам боль. Они порождают шизофрению. И чем больше идеалов люди создают, тем они шизофреничнее, тем сильнее они расщеплены.

Только свободное от идеологии сознание может избежать расщепления. Если ваше сознание расщеплено, как вы можете быть счастливыми? Как вы можете быть безмолвными? Как вы можете знать что-то о покое, о тишине?

Человек, связанный идеологией, постоянно борется с собой. В каждом моменте его жизни присутствует конфликт. Он живет в атмосфере конфликта, в атмосфере беспокойства, потому что не может решить, кто он на самом деле – идеал или нечто реально существующее. Он не способен себе доверять, он начинает бояться себя, теряет в себе уверенность. А как только человек теряет уверенность в себе, он утрачивает все свое величие. Тогда он готов стать чьим угодно рабом – рабом священника, рабом политика. Тогда он готов попасть в любую ловушку.

Почему люди становятся приверженцами чьих-либо идей? Почему они оказываются в ловушках? Почему они попадаются на удочку и следуют за Иосифом Сталиным, или Адольфом Гитлером, или Мао Цзэдуном? С чего все начинается? С того, что они становятся нетвердыми в своих взглядах, с того, что идеологическая путаница отрывает их от собственных корней. И тогда они не могут рассчитывать на самих себя, им необходимо на кого-то опереться. Они не могут двигаться самостоятельно, они забыли, кто они такие. Им нужен кто-то, кто сказал бы им, что они являются тем или этим. Они хотят, чтобы их с кем-нибудь отождествили, поскольку они забыли о собственной сущности, о своей природе.

И Адольфы Гитлеры, и Иосифы Сталины, и Мао Цзэдуны будут появляться снова и снова – до тех пор, пока люди не отбросят все идеологии. И знайте: когда я говорю «все идеологии», я имею в виду все идеологии. Я не делаю никаких различий между возвышенными и не слишком возвышенными идеологиями. Все идеологии опасны. На самом деле возвышенные идеологии опаснее, потому что они более притягательны и обладают большей убедительностью. Идеология как таковая – это болезнь, именно болезнь, ибо теперь вас двое: ваш идеал и вы сами. И тот, кем вы на самом деле являетесь, подвергается осуждению, а тот, кем вы не являетесь, восхваляется. Так вы попадаете в беду и рано или поздно становитесь неврастеником, психопатом или кем-то еще в этом роде.

Будда подарил нам способ жизни, в котором отсутствуют подавление и идеология. Вот почему он не говорит о Боге, не говорит о рае, не говорит ни о каком будущем. Он не дает вам ничего, за что можно было бы ухватиться, он только отнимает. Он отнимает даже ваше «я». Он продолжает отнимать все и в конце концов лишает вас даже идеи о собственной личности, идеи о вашем «я», вашем эго. Он оставляет вам лишь чистую пустоту. И в этом для вас заключается трудность.

Это очень трудно, потому что мы совершенно забыли, что значит отдавать. Мы знаем только, как брать. Мы привыкли брать. «Я беру уроки», или «Я беру эту женщину в жены», или даже «Я беру перерыв, чтобы вздремнуть после обеда»[2]. Вы продолжаете и продолжаете брать – даже послеобеденный сон, то, что никак нельзя взять: вам придется сдаться ему. Сон приходит только тогда, когда вы ему сдаетесь. Даже жену или мужа вы умудряетесь брать. Вы не уважаете их. Жена не является имуществом. Вы можете приобрести дом – как вы можете приобрести жену или мужа? Наш язык выражает состояние нашего ума. Мы не знаем, как давать – как уступать, как отпускать, как позволять вещам случаться.

Будда отнимает все наши идеалы, наше будущее, и в конце концов он отнимает то последнее, что нам очень, очень трудно отдать, – он отнимает само наше «я», оставляя нам чистую, невинную, девственную пустоту. Эту девственную пустоту Будда называет *нирваной*. Нирвана не является целью, она – ваша внутренняя пустота. Когда вы отбрасываете все, что накопили, когда вы больше ничем не владеете, когда вы уже не скупец и не скряга и ни за что не цепляетесь, тогда вдруг вас пронизывает пустота. Пустота, которая всегда была с вами.

---

[2] От англ. take a nap – «вздремнуть», буквально – «взять короткий отдых»

Хакуин прав: «Изначально все существа – будды». Пустота всегда с вами. Но вы накопили так много хлама, что не можете обнаружить ее. Совсем как у вас в доме: вы можете накапливать и накапливать вещи – и тогда вы уже не увидите свободного места, тогда уже просто нет никакого свободного места. Наступает день, когда даже передвигаться в доме становится трудно, жить становится трудно, потому что нет свободного пространства. Но пространство на самом деле никуда не делось. Размышляйте об этом, медитируйте над этим. Пространство никуда не пропало; вы так много всего накопили – мебель, телевизор, радиоприемник, проигрыватель, пианино и что-то еще, – но пространство никуда не делось. Вынесите мебель, и вот оно – пространство; оно всегда было здесь. Его скрывала мебель, но оно никуда не пропадало. Оно не покидало комнату – ни на миг. Точно так же обстоит дело и с вашим внутренним пространством, вашей нирваной, вашим *ничто*.

Будда не навязывает вам нирвану в качестве идеала. Будда освобождает, а не порабощает. Он учит жить осознанно, жить не ради какой-либо цели, не для достижения чего бы то ни было, а для того, чтобы быть счастливым *здесь-и-сейчас*. И дело не в том, что осознанность даст вам что-то. Осознанность – это не средство достижения какой-либо цели, она сама по себе является достижением – и средством, и целью одновременно. Она обладает своей собственной ценностью.

Будда не учит вас чему-то потустороннему. Это надо понимать. Люди – земные существа, а священники продолжают говорить им об ином мире. Этот иной мир не слишком-то потусторонний, он и не может быть таковым, потому что представляет собой лишь улучшенную модель привычного для вас мира. Из чего вы можете сотворить иной мир? Вы знаете только этот мир. Вы можете улучшить, можете попытаться украсить тот, иной мир, можете удалить из него неприятные вам вещи и заменить их, как вы полагаете, более приятными, но все равно он будет лишь творением, исходящим из вашего знания о привычном для вас мире. Так что ваш иной мир не такой уж и потусторонний, он просто не может быть потусторонним. Он – продолжение мира, в котором вы живете. Он возникает из вашего ума и является игрой вашего воображения.

В том мире у вас будут прекрасные женщины – разумеется, более прекрасные, чем в этом. Там у вас будут такие же удовольствия, возможно, более постоянные и устойчивые, – но это будут те же самые удовольствия. Еда у вас будет лучше, вкуснее – но это будет именно еда. У вас будут дома, может быть, даже из золота, – но это будут дома. Все повторится.

Достаточно открыть священные книги и посмотреть, как в них описывается рай, и вы увидите, что это все тот же знакомый вам мир, только приукрашенный. Несколько мазков здесь, несколько – там, но это не какой-нибудь потусторонний мир. Вот почему я говорю, что потусторонний мир не слишком-то и потусторонний; это привычный для нас мир, спроецированный в будущее. Тот мир может родиться только из опыта этого мира. В нем не будет страдания и нищеты, болезней, беспомощности, слепоты и глухоты. Там не будет того, что вам не нравится здесь, а то, что вам нравится, будет в изобилии, но ничего нового в том мире не появится.

Ум не может придумать ничего нового. Ум не способен вообразить ничего нового. Он живет прошлым опытом, он сам по себе *является* прошлым опытом. Благодаря уму ничего нового никогда не случается. Новое возможно только тогда, когда ум перестает функционировать, когда он вами не управляет, когда он отброшен и не беспокоит вас.

Однако все ваши писания рассказывают о небесах – и эти небеса, или рай, или *фирдаус*, или *сварга*, не что иное, как все та же старая история. Она может быть отпечатана на лучшей бумаге, с использованием лучшей типографской краски, на более совершенном станке, с более красочными иллюстрациями, но это будет все та же история; она не может быть иной.

Будда не ведет речь о потусторонности, о другом мире. Он просто учит вас, как жить здесь, в этом мире, – как здесь быть бдительными, осознающими, внимательными. Учит

жить так, чтобы ничто не вторгалось в вашу пустоту. Чтобы ваша внутренняя пустота не была загрязнена, отравлена. Чтобы вы могли жить здесь и вместе с тем оставаться незапятнанными, неосквернёнными. Чтобы вы находились в этом мире, а не мир в вас.

«Потусторонняя» духовность вынуждена быть деспотичной, деструктивной, садомазохистской – другими словами, патологической. Духовность Будды имеет другое качество – в ней нет никаких идеалов, нет никаких идей о будущем, об ином мире. Она – как цветок, растущий *здесь-и-сейчас*. Цветку не нужно ничего просить – все уже дано. Просто становитесь более бдительными, тогда вы будете видеть больше, слышать больше, *быть* более живыми.

Помните: ваше *бытие* зависит от того, насколько вы осознанны. Если хотите быть более живыми, будьте более осознанными. Осознанность наделяет вас бытием. Неосознанность отнимает его у вас. Когда вы пьяны, бытие куда-то пропадает. Когда вы находитесь в глубоком сне, бытие исчезает. Разве вы не замечали этого? Когда вы бдительны, вы обладаете особыми качествами – вы центрированы, укоренены. Когда вы бдительны, вы ощущаете прочность и устойчивость своего бытия, оно становится почти осязаемым. Когда вы неосознанны, когда вы вялые и сонные, ваше ощущение бытия слабеет. Оно всегда зависит от того, насколько вы осознанны.

Поэтому послание Будды состоит в том, чтобы быть осознанным. И не ради чего-то другого, а только ради осознанного бытия, – поскольку осознанность передается бытию, осознанность творит вас. И вам даже трудно представить себе, насколько вы можете измениться. Это будете «вы», в котором «я» исчезло, в котором не осталось никакой идеи о самом себе, никакого отождествления с чем бы то ни было… только чистая пустота, беспредельность, отсутствие каких-либо границ.

Будда называет это состоянием медитации – *саммасамадхи*, состоянием истинной медитации, когда вы пребываете в полном одиночестве. Но помните, одиночество (*aloneness*) – это не одинокость (*loneliness*). Вы когда-нибудь размышляли над этим прекрасным английским словом *alone*? Оно означает – «*со всем один*». Оно состоит из двух слов – «всё» (*all*) и «один» (*one*). В одиночестве вы становитесь *едиными* со всем.

В одиночестве нет ничего от одинокости. Когда вы со *всем едины*, вы не одиноки. Вы одни, но вы не одиноки – потому что вы *едины со всем*; как вы можете быть одиноки? Когда вы находитесь в этом состоянии, вы, разумеется, не обнаружите отсутствия других людей. Не то чтобы вы забываете об окружающих, перестаете нуждаться в них, проявлять о них заботу, нет. Вы просто не вспоминаете о других, потому что составляете с ними одно целое. Все различия между *одним* и *всем* исчезают. *Один* становится *всем*, и *все* становится *одним*. Это английское слово *alone* необычайно красиво.

Будда говорит, что *саммасамадхи* – это пребывание в одиночестве. Истинная медитация – это когда вы до такой степени *одни*, что становитесь *едиными* со *всем*. Позвольте мне объяснить вам это. Если вы пусты, границы исчезают, потому что пустота не может иметь границ. Пустота беспредельна. У пустоты не может быть веса, цвета, названия или формы. Когда вы пусты, как вы можете отделять себя от других? Ведь у вас нет ни цвета, ни имени, ни формы, ни границ. Каким образом вы можете найти какие-то различия? Когда вы пусты, вы *едины* со *всем*. Вы растворяетесь в существовании, существование сливается с вами. Вы уже больше не являетесь маленьким островком, вы становитесь огромным континентом бытия.

Все наставления Будды сконцентрированы в одном этом слове – *саммасамадхи*, «истинная медитация». Что значит истинная медитация, и что значит неистинная медитация? Если существует медитирующий, тогда это неистинная медитация. Если медитирующий исчезает в медитации, тогда это истинная медитация. Истинная медитация приведет вас к пустоте и одиночеству, в котором вы будете *едины* со всем.

Эта сутра… все в этой сутре о том, как стать абсолютно пустым. И это главный дар Будды миру.

Так я слышал.

Эти сутры были восстановлены по памяти великим учеником Будды – Анандой. И нужно помнить об одном важном моменте: все сутры начинаются со слов: *«Так я слышал…»*

Когда Будда умер, его ученики решили собрать все, что Будда изрек за сорок пять лет. Ананда был единственным, кто все эти сорок пять лет неотлучно находился при Будде. Его свидетельства были самыми достоверными из тех, на которые можно было положиться. Остальные тоже слышали, но они слышали от других. Иногда они были с Буддой, иногда нет. Только Ананда следовал за ним как тень.

Поэтому и рассказывает Ананда, но красота в том, что он никогда не говорит: «Будда сказал это», он просто сообщает: «Так я слышал». Разница очень велика. Он не говорит: «Будда сказал это», потому что он считает: «Как я могу утверждать, что это сказал Будда? Все, что я могу сообщить, – это то, что я слышал. То, о чем говорил Будда, знает только он. То, что он имел в виду, знает только он. Все, что я могу вспомнить, – это только то, что я слышал. Мои возможности ограничены. Будда мог иметь в виду что-нибудь другое. Я же могу что-то упустить, могу вставить какие-то свои слова».

Это удивительная искренность. Он мог бы заявить: «Именно так говорил Будда. Я присутствовал при этом, я очевидец». И он действительно *был* очевидцем, никто не может этого отрицать. Но посмотрите на скромность этого человека, который говорит: «Так я слышал. Будда говорил, я слушал… Я могу полагаться только на то, что слышал. Это может быть верно, а может быть нет. Я мог что-то напутать, мог интерпретировать, мог что-то забыть, к этому могло примешаться что-нибудь из моего ума – все возможно. Я не просветленный человек». А Ананда тогда еще не был просветленным, поэтому он и говорит: «Это все, что я могу сказать, за что могу поручиться».

> **Так я слышал. Когда-то Будда обитал возле Шравасти… Однажды ранним утром Превосходнейший оделся, взял свою чашу и отправился в великий город Шравасти за подаянием. Возвратившись, он совершил трапезу, отложил в сторону чашу и омыл ступни. Затем сел, скрестив ноги, на приготовленное для него место и, выпрямив спину, сосредоточил внимание на пространстве перед собой.**

Возможно, вас удивляет, что, рассказывая, Ананда углубляется в самые мельчайшие детали. Никогда не знаешь заранее… когда говоришь о Будде, нужно быть очень внимательным. Поэтому Ананда снова и снова уделяет внимание каждой мелочи.

Ранним утром Превосходнейший оделся, взял свою чашу и отправился в великий город Шравасти за подаянием.

Ананда следует за Буддой как тень, безмолвная тень, наблюдая за ним. Просто наблюдать за ним было благословением. И он подмечает каждую деталь.

> **Возвратившись, он совершил трапезу, отложил в сторону чашу и омыл ступни. Затем сел, скрестив ноги, на приготовленное для него место…**

Когда буддистские сутры впервые переводились на западные языки, переводчики были несколько озадачены – к чему такие подробные описания? Они встречаются снова и снова. Для чего? Переводчики не могли этого понять. Они думали, что это просто лишенное смысла многословие, многословие, в котором нет никакой необходимости, совсем никакой необходимости. Какой во всем этом смысл? Но они не ухватили сути. Ананда сообщает о том, что

Будда уделяет мелочам столько же внимания, сколько и вещам значительным. Для Будды нет ничего малого и ничего великого – для него все едино.

Когда он берет свою чашу, он почтителен к ней так же, как и к богу. Когда он одевается, он делает это очень внимательно; он абсолютно бдителен, он не механичен. Когда вы одеваетесь, вы делаете это механически. У вас выработалась механическая привычка одеваться, поэтому вы не видите никакого смысла в том, чтобы обращать на это внимание. Ваш ум постоянно движется в тысяче направлений. Вы принимаете душ, – но вы совершенно к нему непочтительны. Вы не присутствуете при этом, вы где-то в другом месте. Вы едите, но вы непочтительны к еде. Вы не присутствуете при этом, вы просто поглощаете пищу. Вы все делаете по привычке, механически. Когда Будда что-нибудь делает, он целиком в этом, его больше нигде нет.

Возвратившись, он совершил трапезу, отложил в сторону чашу и омыл ступни. Затем сел, скрестив ноги, на приготовленное для него место и, выпрямив спину, сосредоточил внимание на пространстве перед собой.

Эти мельчайшие детали очень важны, потому что они несут в себе качество буддовости. Каждый момент Будда проживает осознанно. Что бы он ни делал, он направляет на это все свое внимание. Когда он совершает какое-то движение, он целиком в этом жесте. Когда он улыбается, он целиком в улыбке. Когда он говорит, он целиком в словах. И когда он безмолвен, он абсолютно безмолвен.

Наблюдать за Буддой – благословение само по себе: как он ходит, как сидит, как жестикулирует, как смотрит на вас. Каждый такой миг – это излучающий миг осознанности. Вот почему Ананда рассказывает обо всем этом. Должна была установиться глубокая тишина, когда Будда пришел, сел на приготовленное для него место и сосредоточил свое внимание на пространстве перед собой. Что это значит – сосредоточение внимания на пространстве перед собой? Это специальный буддистский метод, который называется *анапансати йога* – полное внимание к втекающему вдоху и вытекающему выдоху. В этом весь смысл наблюдения за дыханием.

Когда Будда что-то делает, например, одевается, он внимателен к этому действию. Когда он идет, он все внимание направляет на ходьбу. Когда он ничего не делает, он наблюдает за вдохом и выдохом. Он всегда внимателен; он внимателен, даже когда спит.

Однажды Ананда поинтересовался у Будды… Десять лет он жил с Буддой, и его удивляло, что тот всю ночь остается в одной и той же позе. Как бы он ни сложил руки, он сохраняет их всю ночь в одном и том же положении. Должно быть, Ананда много раз это видел, возможно, наблюдал за ним ночью. На это стоило посмотреть! Увидеть, как Будда спит. И он был удивлен и поражен тем, что Будда оставался в одной и той же позе – всю ночь в одной и той же позе. Ананда не мог сдержать любопытства. Однажды он обратился к Будде: «Это нехорошо, что я встаю среди ночи и смотрю на тебя. Я не должен этого делать, но мне интересно все, что связано с тобой. И теперь я в замешательстве. Во время сна ты пребываешь в одной и той же позе. Ты спишь или продолжаешь оставаться осознанным?»

И Будда ответил: «Сон происходит в теле, я же остаюсь бдительным. Вот сон приходит, вот он пришел, стал глубоким, вот расслабилось тело, расслабились руки и ноги, – но осознанность продолжает светиться».

В медитации вы находитесь двадцать четыре часа в сутки. Это не то, что вы делаете один раз в день и забываете об этом. Медитация должна стать окружающим вас ароматом, вашей привычной атмосферой. Она должна быть с вами, где бы вы ни были, что бы вы ни делали.

…и сосредоточил внимание на пространстве перед собой. Возле него собралось множество монахов, которые, приветствуя учителя, склонили головы к его ногам, трижды обошли вокруг него и сели рядом с ним.

Когда вы задаете вопрос будде, от вас требуется особое отношение к нему, только тогда вы получите ответ. И дело не в том, что будда не ответит. Вы можете спросить очень непочтительно – будда даст ответ, но вы его не воспримете. Суть не в том, что будда ответит вам лишь тогда, когда вы почтительны. Будда ответит вам в любом случае, но если вы не очень почтительны, не очень скромны, не восприимчивы, не женственны, вы упустите этот ответ. От того, как вы задаете вопрос, зависит, способны вы получить ответ или нет.

Как вы спрашиваете, в каком настроении? Восприимчивы ли вы? Или просто любопытны? Задаете ли вы вопрос, исходя из накопленного вами знания, или ваш вопрос невинен? Спрашиваете ли вы только затем, чтобы проверить, знает этот человек или нет? Спрашиваете ли вы из состояния знания или из состояния незнания? Смиренны ли вы, сдались ли вы? Готовы ли вы принять дар, если его вам преподнесут? Будете ли вы открытыми, будете ли рады дару, примете ли его в свое сердце? Позволите ли стать ему семенем в вашем сердце? Задать вопрос будде – это не то же самое, что спросить о чем-нибудь профессора. Необходимо, чтобы вы были наделены определенным качеством; только тогда вы извлечете пользу из ответа.

Возле него собралось множество монахов, которые, приветствуя учителя, склонили головы к его ногам, трижды обошли вокруг него и сели рядом с ним.

Когда монахи трижды обходят вокруг будды, эти три круга символизируют три тела. В первом круге отдается должное физическому телу, телу, которое мы видим, которое доступно органам чувств. Физическое тело будды тоже великолепно; это храм, где пребывает божественное. То есть первый круг – это приветствие первого тела, физического. Второй круг – приветствие тела, пребывающего в состоянии блаженства, второго тела. А третий круг – приветствие тела будды, истинного тела.

Эти три круга являются также символами и еще кое-чего. В буддизме мы имеем дело с тремя так называемыми прибежищами: «Я принимаю прибежище в будде, я принимаю прибежище в *Сангхе*, я принимаю прибежище в *Дхарме*». Эти три круга символизируют и это тоже.

Когда человек приходит к будде чтобы о чем-нибудь спросить, он должен «принять прибежище». Ему надо иметь определенное состояние ума: «Я настраиваюсь в лад с буддой», «Я готов вибрировать на той же длине волны». «Я принимаю прибежище в будде. Ты мое прибежище, я пришел к тебе как ученик, я пришел к тебе, зная, что ничего не знаю, я пришел к тебе в невинности и чистоте, я склоняюсь перед тобой, я признаю, что ты знаешь, а я не знаю, – поэтому я готов принять все, что ты считаешь необходимым для меня».

«Я принимаю прибежище в Сангхе, в общине», – потому что один будда является представителем всех будд прошлого и будущего. Один будда – это врата ко всем буддам. Вы можете называть будд христами или кришнами – нет никакой разницы. Это просто разные названия из разных традиций.

Поэтому первое прибежище принимается в будде, который находится перед вами. Второе прибежище – во всех буддах, в Сангхе, общине будд – прошлых, настоящих, будущих. И третье прибежище – в Дхарме, в том сокровенном знании, которое делает человека буддой. Искусство пробуждения – это Дхарма, религия.

Среди собравшихся находился преподобный Субхути.

Субхути – один из величайших учеников Будды. *«Он поднялся со своего места»*, – говорит Ананда – и опять эти подробности, потому что Субхути тоже неординарный человек. Он почти будда, он стоит уже на пороге и в любой момент может стать буддой. Поэтому Ананда снова дает подробное описание.

> **Он поднялся со своего места, перекинул через плечо часть своего одеяния, а потом преклонил правое колено и, почтительно сложив ладони, обратился к Будде: «Замечательно, о Превосходнейший, чрезвычайно замечательно, о Правильно Ушедший, что так много бодхисаттв, поистине прекрасных существ, получили величайшую помощь от Татхагаты… Скажи, о Превосходнейший, как удержаться тому, кто оказался в колеснице бодхисаттв, как ему совершенствоваться, как контролировать свои мысли?»**

По своим качествам Субхути близок к будде. Он *бодхисаттва*. Бодхисаттва – это тот, кто готов стать буддой, кто подошел вплотную к этому состоянию. Еще шаг, и он – будда. Под бодхисаттвой подразумевается «пробужденная сущность», «пробужденное существо»: его температура достигла уже девяноста девяти градусов – и на сотом градусе он исчезнет. Но бодхисаттва – это тот, кто, чувствуя сострадание к людям, старается оставаться на уровне девяноста девяти градусов немного дольше, чтобы иметь возможность им помогать, потому что, как только он достигнет ста градусов, он исчезнет в запредельном… *Гатэ, гатэ, парасамгатэ бодхисваха*. Тогда он уйдет, и уйдет далеко в запредельное. Тогда ему будет очень трудно установить контакт с людьми, живущими на этом берегу.

От тех, кто достиг уровня девяноста девяти градусов, можно получить огромную помощь. Почему? Потому что они еще не стали просветленными. Они знают, что свойственно тем, кто не просветлен. Они понимают язык непросветленных. Они еще с ними, но вместе с тем на девяносто девять процентов в запредельном. Один недостающий процент позволяет им сохранять связь с людьми.

Итак, бодхисаттва – это тот, кто по своим качествам близок к будде, но старается несколько дольше оставаться на этом берегу, чтобы помогать людям. Он достиг и хотел бы поделиться тем, чего он достиг. Он познал и хотел бы поделиться тем, что познал. Другие спотыкаются во тьме – он хотел бы поделиться с ними своим светом, своей любовью.

Субхути – бодхисаттва. Ананда рассказывает о нем так же, как о Будде: *«Он поднялся со своего места…»* Просто вообразите, мысленно представьте себе встающего бодхисаттву. Он абсолютно осознан. Он встает не просто как робот. Он осознает каждый свой вдох и выдох, полностью осознает. Ничто не остается незамеченным. Он сама бдительность. Это то, что католическая традиция называет созерцающей мудростью, а буддисты – *саммасати*, истинной внимательностью. Находиться в состоянии саммасати значит быть внимательным и бдительным и не совершать бессознательных действий.

> **…Он поднялся со своего места, перекинул через плечо часть своего одеяния, а потом преклонил правое колено и, почтительно сложив ладони, обратился к Будде…**

И помните: даже бодхисаттва, который подошел очень близко к тому, чтобы стать буддой, склоняется перед Буддой с чувством глубокой признательности.

> **«Замечательно, о Превосходнейший, чрезвычайно замечательно, о Правильно Ушедший…»**

«Правильно Ушедший» означает того, кто ушел на другой берег. Субхути находится на этом берегу, Будда – на том. Субхути достиг понимания: он способен видеть другой берег, видеть Будду на другом берегу – *«О, Правильно Ушедший…»*

Выражение «правильно ушедший» имеет много значений. Одно из них – «достигший другого берега». Еще одно – «достигший предельной ступени медитации». Будда говорил, что на пути к предельной медитации существует восемь ступеней. Тот, кто достиг восьмой ступени, называется «правильно ушедшим». Тот, кто достиг *самадхи*, окончательного самадхи, тот ушел на другой берег, его больше нет – вот что имеется в виду под «правильно ушедшим». Он ушел, окончательно ушел. Его больше нет, он – просто пустота. «Я» исчезло, испарилось.

«Замечательно, о Превосходнейший, чрезвычайно замечательно, о Правильно Ушедший, что так много бодхисаттв, поистине прекрасных существ, получили величайшую помощь от Татхагаты…»

Tathagata – это буддистское слово, которое означает «Правильно Ушедший». Субхути говорит: «Такая великая помощь была оказана, как это замечательно – чрезвычайно замечательно, просто невозможно представить, как много ты нам дал. И продолжаешь давать, хотя мы этого даже не заслуживаем».

«Замечательно, о Превосходнейший, чрезвычайно замечательно, о Правильно Ушедший, что так много бодхисаттв, поистине прекрасных существ, получили величайшую помощь от Татхагаты… Скажи, о Превосходнейший, как удержаться тому, кто оказался в колеснице бодхисаттв…»

Тому, кто решил остаться на этом берегу еще на какое-то время, чтобы помочь другим. Как ему…

«…совершенствоваться, как контролировать свои мысли?»

О чем он спрашивает? Он задает вопрос, который сейчас ко многим из вас не имеет отношения, потому что он уместен только для бодхисаттв. Но придет день, и однажды вы станете бодхисаттвами. Когда-нибудь этот вопрос станет для вас существенным. Лучше об этом подумать заранее, лучше помедитировать на эту тему.

Субхути спрашивает: «Те, кто решили быть бодхисаттвами, как им удержаться?» Он говорит: «Другой берег так привлекателен, притяжение его так велико – как нам удержаться на этом берегу? Мы хотели бы помогать людям, но как? Другой берег зовет – он обладает таким сильным, таким магнетическим притяжением. Поэтому научи, как нам удержаться здесь, как нам снова укорениться на этом берегу. Мы лишились корней; у нас в этом мире больше нет корней. Девяносто девять процентов корней исчезли».

Только представьте себе дерево, у которого нет девяноста девяти процентов корней, а остался лишь один процент. Дерево спрашивает: «Как мне теперь устоять? Я могу упасть, но я понимаю, что если удержусь немного дольше, то окажу людям безмерную помощь, в которой они нуждаются. Когда я нуждалось – кто-то помог мне. Теперь нуждаются другие – помогу я». Это единственный способ, каким ученик может отплатить долг учителю. Нет другого способа. Учитель помог вам, но учителю помощь не нужна – как же вернуть долг? Единственное, что вы можете сделать, это помочь тем, кто все еще спотыкается, кто бредет на ощупь в темноте. То, что учитель сделал для вас, делайте для других, и таким образом вы вернете долг.

Он спросил: «Как удержаться?» Это трудно, это почти невозможно. И еще он спросил: «Как совершенствоваться, как начать помогать людям?» Это тоже трудно. «Теперь мы понимаем, что их страдания фальшивы. Мы понимаем, что их страдания – это просто кошмарные сны; они не истинны. Мы знаем, что они испугались веревки, приняв ее за змею. Очень трудно помогать таким людям. Их страдания смешны. Но мы знаем, что они нуждаются в помощи, потому что помним, какими сами были в прошлом. Мы трепетали, плакали, при-

читали. Мы знаем, сколько нам пришлось выстрадать, хотя сейчас понимаем, что это страдание было просто сном, оно было иллюзией, *майей*».

Только представьте себе человека, который несет чепуху о том, что он не страдает…

Ко мне однажды пришел человек. В его голове засела идея, что к нему в желудок попали две мухи – он спал с открытым ртом. И эти мухи начали летать у него в желудке. Естественно, если они попадают туда, то все, что им остается, это летать. Этот человек все время беспокоился и никак не мог усидеть на месте. Он вертелся туда-сюда и говорил: «Мухи перебрались на эту сторону, а теперь – на эту». Он почти обезумел.

К этому времени он уже побывал у многих докторов, и ни один из них не смог ему помочь. Все они только посмеивались и говорили: «Ты все придумываешь». Но если вы просто скажете человеку, что он придумывает свое страдание, то этим не очень-то ему поможете, ведь он действительно страдает. Для вас его страдание может быть воображаемым, но для него нет никакой разницы – воображаемое оно или реальное, – он в любом случае страдает. То, что вы говорите, для него не имеет значения.

Я потрогал его живот и сказал: «Да, они там». Он очень обрадовался. Он припал к моим ногам и сказал: «Ты единственный человек… Я был у многих докторов и лекарей: аюрведистов, аллопатов, гомеопатов, – и все они глупцы! Все утверждают одно и то же. А я им говорю: „Если у вас нет лекарства, просто скажите, что у вас нет лекарства, но почему вы только и говорите, что я выдумываю?“ Теперь я пришел к тебе… Ты видишь их?»

Я ответил: «Ясно вижу – они там. Мне приходилось сталкиваться с подобными проблемами. Ты попал в правильное место. В этом – вся моя работа: заниматься проблемами, которых на самом деле нет. Я эксперт по несуществующим проблемам. Ляг и закрой глаза. Сейчас мы завяжем тебе глаза, и я их выгоню. Ты откроешь рот, а я выманю их оттуда. Понадобится длинная мантра».

Он обрадовался и сказал: «Это именно то, что мне нужно». Он лежал с завязанными глазами и открытым ртом, совершенно счастливый, ожидая, пока мухи вылетят. А я побежал в дом, чтобы поймать парочку мух.

Это было не просто, потому что раньше я мух никогда не ловил, но каким-то образом мне это удалось. Открыв глаза и увидев двух мух в бутылке, он сказал: «Отдай мне эту бутылку. Я покажу ее тем идиотам». Он был в полном порядке. Но очень трудно помогать таким людям, очень трудно, потому что ты знаешь, что все их трудности фальшивы.

Субхути спрашивает: «Превосходнейший, прежде всего скажи нам, как удержаться здесь? У нас больше нет корней, мы больше не принадлежим этому миру. Наши привязанности исчезли – они были корнями. И как продвигаться дальше, как действовать? Ведь мы знаем, что все это не имеет смысла; люди просто придумывают себе страдания. И как контролировать мысли?»

Что он имеет в виду? Ведь обычно у бодхисаттвы нет мыслей – тех мыслей, какие есть у вас. Есть только одна мысль, и это мысль о другом береге… И другой берег все время притягивает. Дверь открыта, вы можете войти в абсолютное блаженство, но вы остановились возле двери.

Сначала в течение многих жизней вы искали, где же эта дверь, потом в течение многих жизней вы стучались и стучались в нее. Теперь дверь открыта, а Будда говорит: «Подождите, останьтесь за дверью. Многие еще нуждаются в вашей помощи». Естественно, возникает огромное желание войти, страстное желание войти в эту дверь. Вот что имеет в виду Субхути.

После этих слов Превосходнейший сказал: «Следовательно, Субхути, слушай внимательно! Тот, кто оказался в колеснице бодхисаттв, должен думать следующим образом…»

В английском переводе это выражение звучит не очень хорошо. В санскритском тексте используется слово *читтопад*. Что означает «сформировать особое состояние ума, особое намерение; принять великое решение»:

«…сколько бы ни было существ во вселенной и тех, кого можно назвать существами, всех я должен привести к нирване…»

«Не одного или двух, Субхути, а всех – мужчин, женщин, зверей, птиц, а также деревья, камни. Все существующее в этом мире. Твое намерение должно звучать так: „Я всех приведу к нирване“».

«…в царство нирваны, за пределами которого ничего не остается. И еще: хотя бесчисленное множество существ приводилось к нирване, никто полностью не был к ней приведен».

Об этом вам всегда нужно помнить, иначе, когда вы поведете других, вы снова можете впасть в невежество. Все существа должны быть переправлены на другой берег, и вам все время нужно помнить, что их страдания фальшивы, поэтому ваши средства тоже ложны. Вам нужно помнить, что у них нет никакого «я», так же как и у вас нет никакого «я». Не забывайте об этом, не думайте о том, что вы помогаете людям, что вы великие помощники, в противном случае вы снова будете отброшены назад. И снова пустите корни на этом берегу.

Так что помните о двух вещах. Вам необходимо оставаться на этом берегу, сохраняя твердую решимость, в противном случае вас перетянет на другой берег; и вместе с тем вы не должны снова врастать корнями в этот берег, иначе от вас не будет никакой пользы. Вы разрушите себя, вы снова впадете в сон.

«И почему? Если в бодхисаттве все еще жива идея о „сущности“, он не может называться пробужденным существом. И почему? Нельзя называть пробужденным того, в ком сохранилось представление о собственном „я“ или о какой-либо сущности, а также понятие о живой душе или личности».

«Поэтому, Субхути, помни о двух вещах. Прежде всего ты должен переправить всех существ на тот берег, но тебе нужно помнить, что их как таковых нет – ни тебя, ни их. Все эго ложны и иллюзорны. Помни об этом и действуй с великой решимостью. Помогай людям переправляться на другой берег. Они уже там – тебе лишь нужно сделать их бдительными и осознанными. Но не заблудись, не становись спасителем – вот что важно».

Снова и снова в этой сутре Будда будет упоминать о *«колеснице бодхисаттв».* Мне бы хотелось, чтобы вы все стали бодхисаттвами.

На сегодня – достаточно.

Глава 2. Освобожденная любовь

Глава 2

Освобожденная любовь

Первый вопрос:

> *Ошо,*
>
> *Возможно ли, чтобы не-ум эволюционировал из ума совершенно естественным образом, без борьбы и страданий, без разрушений и потрясений? Является ли сама идея о не-уме, которая, как мне кажется, существует в уме и в то же время выходит за его пределы, чем-то вроде зачатка не-ума? Может ли помочь медитация, если она направлена на такие выходящие за пределы ума концепции, как вечность, нирвана, смерть? Мой ум словно взрывается, когда я это делаю. Ощущение такое, будто меня выбрасывает за пределы тела. Я боюсь стать шизофреником.*

Не-ум не может возникнуть из ума. Он не является результатом развития ума, его продолжением; между ними существует разрыв. Это такой же разрыв, как между болезнью и здоровьем. Здоровье возникает не из болезни, оно приходит на смену болезни, когда та прекращается. Болезнь отнимает у здоровья пространство и не дает ему расцвести. Нужно ликвидировать болезнь. Болезнь подобна камню, перекрывающему путь маленькому ручейку. Вы отодвигаете камень, и ручей начинает течь. Ручей возникает не из камня. Камень просто преграждал ему путь. То же и с умом. Ум – это преграда для *не-ума*.

Не-ум означает нечто такое, что вообще не является умом. Как *не-ум* может возникать из ума? Если он возникает из ума, то это будет *сверх-ум*, но никак *не-ум*. Это то, что отличает меня от Шри Ауробиндо. Он говорит о *сверх-уме. Сверх-ум* – это тот же ум, только более приукрашенный и утонченный, более окультуренный и изощренный, но все еще тот же старый ум.

Будда говорит не о *сверх-уме*, а о *не-уме*; не о *сверх-душе*, а о *не-душе*; не о *сверх-личности*, не о *сверх-я*, а о *не-я, анатте.* В этом Будда уникален, и его понимание самое глубокое. *Сверх-ум* возникает в результате постепенного роста, *не-ум* – это скачок, прыжок. *Не-ум* не имеет с умом абсолютно ничего общего. Они даже никогда не встречаются, никогда не сталкиваются друг с другом. Когда есть ум, *не-ума* нет. Когда появляется *не-ум*, ум отсутствует. Они даже не могут сказать друг другу «привет» – это невозможно. Чтобы присутствовало одно, другое должно отсутствовать. Помните это.

Вот почему я утверждаю, что Шри Ауробиндо так и не стал просветленным. Он занимался тем, что оттачивал ум. Он был великим умом, однако быть великим умом не значит быть просветленным. Бертран Рассел – тоже великий ум. Но это не значит, что он просветленный. И Фридрих Ницше – великий ум. У Ауробиндо и у Ницше много общего. Ницше говорит о сверхчеловеке, Ауробиндо тоже говорит о сверхчеловеке. Но сверхчеловек – это проекция обычного человека. Сверхчеловек – это тот же самый человек. Его слабые стороны ликвидированы, а сильные – улучшены, но это все тот же человек. Он представительнее, сильнее, выше, но по-прежнему находится на той же длине волны, на той же ступеньке лестницы. Никакой радикальной перемены, никакого разрыва.

Не-ум означает разрыв со всем тем, что вы из себя представляете. Чтобы появился *не-ум*, вы должны умереть.

Итак, первое. Вы спрашиваете: «Возможно ли, чтобы *не-ум* эволюционировал из ума совершенно естественным образом?» Нет. Это не эволюция, это революция. Ум отброшен, и внезапно вы обнаруживаете, что появился *не-ум.* Он всегда был здесь. Его заслонял ум, он вводил вас в заблуждение, не позволял видеть то, что есть на самом деле. Так что здесь нет никакой эволюции.

И вы спрашиваете: «Возможно ли это без борьбы и страданий?» *Не-ум* не может иметь ничего общего с борьбой и страданиями. Он возникает не из борьбы и страданий. Все, что появляется в результате борьбы и страданий, будет наносить вам раны. Даже если раны исцелить, останутся шрамы. И это вновь превратится в непрерывный процесс.

Борьба и страдания не имеют отношения к *не-уму*; борьба и страдания возникают, потому что ум борется за то, чтобы сохранить за собой власть. Именно он является источником борьбы. Ум не хочет уходить, он хочет остаться. Ум приобрел такую силу, что полностью завладел вами. Он говорит: «Нет, я не собираюсь уходить. Я останусь здесь». Вся борьба и все страдания исходят из ума. *Не-ум* не имеет с этим ничего общего. Но вам придется пройти через страдания и борьбу. Если вы не пройдете через это, ум вас не отпустит.

И позвольте мне еще раз повторить: *не-ум* рождается не из борьбы – из вашей борьбы возникает только ум. *Не-ум* появляется безо всякой борьбы. Всю борьбу затевает камень. Он не хочет сдвигаться с места. Он находился здесь века, тысячелетия – кто вы такие, чтобы убирать его? «О каком таком ручье вы говорите? Никакого ручья нет. Я лежал здесь многие века и знаю – его нет. Забудьте об этом!» Но вы все равно хотите убрать этот камень. Камень тяжел, он впечатался в землю. Он так долго здесь лежал… Он прирос к этому месту и не желает отодвигаться. И он понятия не имеет ни о каком ручье. Но вы должны убрать этот камень. Пока вы его не уберете, ручей не потечет.

Вы спрашиваете: «…Без разрушений, потрясений и надрывов?» *Не-ум* не имеет ничего общего с вашими действиями. Но ум просто так не уйдет. Вам придется бить его, разрубать и делать еще тысячу и одну вещь.

«Является ли сама идея о *не-уме*, которая, как мне кажется, существует в уме и в то же время выходит за его пределы, чем-то вроде зачатка *не-ума*?»

Нет – в уме нет никакого зачатка *не-ума*. В нем нет для этого места. *Не-ум* необъятен, как небо. Как он может уместиться в таком тесном пространстве – в уме? Кроме того, ум уже заполнен до отказа – мыслями, желаниями, фантазиями, образами, воспоминаниями. Там просто нет места.

Во-первых, ум очень мал – он не может вместить *не-ум*. Во-вторых, он забит, переполнен, в нем столько шума. *Не-ум* безмолвен, ум беспрестанно галдит. Ум не может содержать в себе *не-ум*, он должен исчезнуть. В этом исчезновении ума – начало новой жизни, рождение нового существа, нового мира.

«Может ли быть полезным, – спрашиваете вы, – медитировать на такие ведущие за пределы ума концепции, как вечность, нирвана, смерть?»

Эти так называемые трансцендентные понятия так и остаются понятиями, и они исходят из ума. Когда вы размышляете о вечности, что вы делаете? Вы думаете. Когда вы размышляете о нирване, что происходит? Ваш ум крутится, вертится и в результате выдает вам красивые идеи о нирване – но это все работа ума.

О чем можно размышлять, думая о смерти? О чем вы будете размышлять, думая о ней? Вы ничего об этом не знаете! Как можно размышлять о том, чего не знаешь?

Ум обладает великолепной способностью повторять известное; но когда дело касается неизвестного, он бессилен. Вы ничего не знаете о вечности, все, что вам известно, – это время. Даже когда вы думаете о вечности, это не что иное, как длящееся время, растянутое время – но это время. Что вы знаете о нирване? Только то, что слышали, читали об этом. Это не нирвана. Слово «нирвана» – не нирвана, и представление о нирване – не нирвана. Слово «бог» – не Бог, и все картины, все статуи, которые изображают Бога, не имеют с ним ничего общего, – потому что у него нет ни имени, ни формы.

И о чем вы собираетесь размышлять, думая о смерти? Каким образом вы будете думать о смерти? Вы что-то слышали о ней, видели, как кто-то умирает, но вы никогда не переживали смерть. Когда вы смотрите на умершего человека, что вы видите? Он больше не дышит – это все, что вы видите. Это и есть смерть? Тело становится холодным, дыхание прекращается – и это все? А что происходит с сокровенной сущностью этого человека? Вы не можете это узнать, пока не умрете. Единственный путь познать неизвестное – пережить его.

Так что концепции, ведущие за пределы ума, не помогут. Напротив, они могут только усилить ваш ум, потому что он будет говорить: «Смотрите, я могу обеспечить вас даже трансцендентными концепциями. Видите, что я делаю для вас. Всегда держите меня при себе. Я помогу вам стать просветленными. Без меня вы никуда не попадете. Как вы будете без меня размышлять о смерти, о нирване, о вечности? Я абсолютно необходим. Без меня вы ничто».

Нет, такие медитации не помогут. Вы должны понять: ум совершенно не способен вам помочь. Когда вы приходите к осознанию того, что ум не способен вам помочь, в самой этой беспомощности, в самом этом состоянии возникает тишина; все останавливается. Если ум не способен что-либо сделать, тогда и вам не остается ничего делать. Внезапно все мысли замирают – они бесполезны. В этой беспомощности случится первый проблеск *не-ума*… откроется небольшое окошко. В момент остановки ума вы почувствуете вкус *не-ума*. И тогда все придет в движение. Тогда вам будет легче потеряться в беспредельном.

Вам не нужно медитировать над этим, вам нужно войти в это. Медитировать над этим – значит находиться в ложной активности; это своего рода уклонение, бегство от действительности. Вы боитесь смерти – поэтому думаете о смерти. Вы боитесь нирваны – поэтому думаете о нирване. Процесс размышления дает вам ощущение, что вы способны думать даже о смерти и нирване.

«Мой ум словно взрывается, когда я это делаю».

Ум очень коварен. Он вынужден вас обманывать – потому что, пока вы думаете, ум не может взорваться. Не имеет значения, о чем вы думаете; пока вы думаете, ум не может взорваться. Думая, ум будет получать удовольствие, и само это удовольствие дает вам ощущение, что вы взрываетесь.

«Это ощущается так, будто меня выталкивает из собственных границ. Я боюсь стать шизофреником».

Вам не нужно бояться стать шизофрениками, потому что вы уже являетесь ими: каждый – шизофреник. Ум шизофреничен, потому что ему ничего неизвестно о целостности. Ум всегда расщеплен. Он постоянно стоит перед выбором: быть или не быть, делать то или это. Ум всегда пребывает в нерешительности, всегда колеблется. Даже если вы что-то выбираете, то с этим соглашается лишь часть ума, другая его часть продолжает быть против этого.

Ум никогда не бывает целостным, поэтому он шизофреничен. Вам не нужно этого бояться. Находиться в уме – значит быть шизофреником. Только будды выходят за пределы этого. А все остальное человечество шизофренично – в большей или меньшей степени. Когда вы переступаете грань, вам приходится прилагать усилия, чтобы найти психиатра, но различие между вами и другими – только в степени болезни, это различие количественное, не качественное. Даже между вами и вашим психиатром различие только в степени болезни.

Запомните, ум вам не поможет. Он не способен помочь, он может быть только помехой. С пониманием этого появляется *не-ум*. И ваши усилия тут ни при чем; он приходит сам по себе.

Второй вопрос:

> *Ошо,*
>
> *В сутре, которую мы обсуждали вчера, Будда говорит: «Тот, кто стал бодхисаттвой, должен думать следующим образом… всех я должен привести к нирване, в царство нирваны, за пределами которого ничего нет». Что это за царство нирваны, за которым ничего не остается?*

Будда говорил о двух видах нирваны. Один вид он называет «малой нирваной». Уже исчезло дерево, дерево желаний. Листья, цветы, плоды – все исчезло. Но корни еще в земле, они скрыты под слоем почвы. Снаружи дерева уже нет, но оно еще способно возродиться. Питательная среда еще сохранилась, семя еще не истлело. Это называется «малой нирваной».

И это в точности то же самое, что Патанджали называет *сабидж самадхи* – «самадхи с семенем». Снаружи ситуация кажется затруднительной: дерево полностью уничтожено. Но под почвой корни все еще живы, они дожидаются нужного момента, чтобы снова пустить ростки. Пройдут дожди, и ростки появятся. Они ждут своего времени, того момента, когда опять смогут заявить о себе.

Это то состояние, когда вы много раз подходите к точке, где исчезает ум и ощущается *не-ум*, но ум снова возвращается, снова пускает ростки. Вы достигаете пика, и в момент этого пикового переживания вам кажется, что все закончилось, что теперь вы уже больше никогда не опуститесь в долину тьмы. Вам кажется, что вы уже никогда не вернетесь обратно в те отвратительные и жалкие дни, что темная ночь души миновала, что наступило утро и взошло солнце.

Но однажды вы вдруг обнаружите, что соскальзываете обратно в темноту: снова мрачная долина, снова отсутствие света, снова вместо пикового переживания лишь воспоминание о нем. И вы начинаете сомневаться, а было ли это на самом деле. «Не придумал ли я все это? Или, может быть, мне это приснилось?» А если это было, то куда все делось? Где эта озаренная солнцем вершина? Где эти мгновения экстаза? И страдание, и боль, и агония вернулись – вы опять оказались в аду. Такое случается снова и снова.

Будда называет это «малой нирваной», а Патанджали – *сабидж самадхи*. Проявлений мира больше нет, но непроявленное семя остается.

Другой вид нирваны Будда называет «великой нирваной». У Патанджали это *нирбидж самадхи* – «самадхи без семени». В этом случае не только дерево уничтожено, но и семя истлело. Истлевшее семя не может прорасти снова; и никакой питательной среды больше нет. Тогда вы остаетесь на вершине навсегда, тогда невозможно падение вниз.

Это то, о чем Будда говорит в сутре: «Тот, кто стал *бодхисаттвой*, должен думать следующим образом… всех я должен привести к нирване, в *царство нирваны, за пределами которого ничего нет*». За пределами которого не остается ни питательной среды, ни корней, ни семени.

Третий вопрос:

Ошо,

Каково отношение Дзэн к сексу? Такое впечатление, что люди Дзэн среднего рода и вокруг них бесполая аура.

Дзэн не имеет никакого отношения к сексу, и в этом его красота. Иметь хоть какое-то отношение к нему значит тем или иным образом все еще оставаться одержимыми сексом. Кто-то против секса – у него есть отношение; кто-то за секс – и у него есть отношение. «За» и «против» связаны, как два колеса воловьей повозки. Они – не враги, они – друзья, партнеры в общем деле.

Дзэн не имеет отношения к сексу. Почему он должен иметь к нему отношение? Дзэн совершенно естественен – вот в чем его прелесть. У вас есть какое-нибудь отношение к питью воды? К приему пищи? Нет.

Я знаю, что есть сумасшедшие, которые и к подобным вещам тоже имеют отношение – например, кто-то не позволяет себе спать больше пяти часов. Сон для них – это что-то вроде греха, что-то вроде неизбежного зла, поэтому они не могут спать больше пяти часов. В Индии есть даже люди, которые считают, что следует спать только три часа. Мне довелось видеть человека, который не спал десять лет, и ему поклоняются только за это; у него больше нет ничего, никаких других талантов. Это единственный его талант. Возможно, у него бессонница. Возможно, это вовсе не талант, – просто он не может спать. Он стал таким невротичным, что не способен расслабиться, поэтому выглядит сумасшедшим. Любой станет сумасшедшим, если десять лет не поспит. А люди приходят, толпами приходят поклоняться ему. Они считают: он достиг чего-то великого. Что это за достижение такое? Он просто ненормальный, больной. Спать – естественно. А он вынужден быть напряженным – он очень напряженный. Он, должно быть, кипит внутри. Только подумайте: десять лет не спать! Но сейчас это стало великим вложением, сейчас это приносит ему выгоду. Его сумасшествие стало вложением, теперь тысячи людей боготворят его – только за это!

На протяжении веков одним из величайших бедствий было поклонение несущественным, а порой и патологическим вещам. Так вот и появляется отношение ко сну. Есть люди, у которых имеется отношение к еде. Употреблять в пищу это или то; есть ровно столько-то и не больше. Они не прислушиваются к телу, не чувствуют, проголодалось оно или нет. У них есть определенная идея, и они навязывают эту идею природе.

Дзэн не имеет никакого отношения к сексу. Дзэн очень прост, очень чист. Дзэн словно дитя. Он утверждает, что нет необходимости ни в каком отношении. Зачем? Вы имеете какое-нибудь отношение к чиханию? Чихать или не чихать, грех это или добродетель? Нет, вы не имеете к этому никакого отношения. Но я встречался с человеком, который был против чихания. Когда он чихает, он тут же повторяет мантру, чтобы защитить себя. Он является членом небольшой секты глупцов. В этой секте считают, что, когда вы чихаете, душа покидает вас. При чихании душа покидает вас, и если вы не вспомните о боге, она может не вернуться назад. Так что вы должны вспомнить о нем, вы должны немедленно вспомнить о нем, иначе душа не вернется. Если же вы умрете в момент чихания, то отправитесь в ад.

Вы можете иметь отношение к чему угодно. Как только у вас появляется отношение, ваша невинность исчезает и это отношение начинает управлять вами. Дзэн ни за, ни против чего-либо. Дзэн утверждает: все, что просто, – хорошо. Быть простым, быть никем, быть ничем, не иметь идеологии, характера…

Когда у вас есть характер, тогда у вас есть и какой-нибудь невроз. Характер означает что-то застывшее в вас. Под характером имеется в виду ваше прошлое. Он подразумевает обусловленность, культивирование. Когда у вас есть характер, вы являетесь его узником, вы

больше не свободны. Когда у вас есть характер, вы весь в броне. Вы – несвободная личность. Вы носите с собой тюрьму, в которую заключили себя; это очень хитрая тюрьма. У подлинного человека не будет характера.

Что я имею в виду, когда говорю, что у него не будет характера? Он будет свободен от прошлого. Он будет действовать в данном моменте сообразно этому моменту. Подлинный человек будет спонтанным; только он может быть спонтанным. Он не будет обращаться к своим воспоминаниям, чтобы узнать, как ему поступить. Если возникла какая-то ситуация и вы что-то ищете в памяти – тогда у вас есть характер. Тогда вы спрашиваете у своего прошлого: «Как мне поступить?» Когда у вас нет никакого характера, вы просто смотрите на ситуацию и решение приходит само по себе. Тогда все случается спонтанно, тогда есть отклик, но нет реакции.

В Дзэн нет никакой системы верований в отношении чего бы то ни было. В том числе и в отношении секса. Дзэн ничего о нем не говорит. И на этом нужно поставить точку. Отношение к сексу имеет тантра. Причина? Она старается исправить то, что сделало общество. Тантра – это терапевтическое средство. Общество подавило секс, и тантра действует как средство, помогающее вам восстановить равновесие. Вы слишком наклонились влево – появляется тантра и помогает вам наклониться вправо. И чтобы равновесие восстановилось, иногда вам нужно довольно сильно наклониться вправо. Вы когда-нибудь видели канатоходца, который ходит по натянутому канату? Чтобы сохранить равновесие, он держит в руках шест. Если он чувствует, что слишком отклонился влево, он тут же начинает наклоняться вправо. Потом он чувствует, что слишком отклонился вправо, и начинает наклоняться влево. Вот так он и остается посередине. Тантра – это терапевтическое средство.

Общество сформировало подавляющий ум, ум, негативный по отношению к жизни, ум, направленный против получения удовольствия. Общество очень сильно противится сексу. Почему оно против секса? Потому что, если вы позволите людям сексуальное удовольствие, вы не сможете переделать их в рабов. Это невозможно – радостного человека нельзя сделать рабом. Вот в чем фокус. Только несчастных людей можно превратить в рабов. Радостный человек – это свободный человек, из него нельзя сделать раба.

Вы не можете отправить радостного человека на войну. Это невозможно. Зачем ему идти на войну? Но если человек подавил свою сексуальность, он готов идти на войну, он жаждет отправиться на войну, поскольку не способен наслаждаться жизнью. А если он не способен к наслаждению, то не способен и к созиданию. Теперь он может делать только одно – разрушать. Вся его деятельность становится отравляющей и разрушительной. Он жаждет убивать, жаждет разрушать. По сути, когда он убивает, он испытывает замещающую радость от проникновения в кого-либо. Когда проникновение связано с любовью, оно прекрасно. Когда вы проникаете в женское тело, находясь в состоянии любви, это одно дело. Это духовно. Но когда ход вещей нарушен и вы проникаете в чье-либо тело мечом или копьем, это уродливо, это насильственно, это разрушительно. Тем не менее, вы продолжаете искать замещающее проникновение.

Если людям предоставить тотальную свободу в проявлении радости, никто из них не будет разрушителем. Люди, умеющие красиво любить, не способны разрушать. И люди, которые умеют красиво любить и радоваться жизни, никогда не будут соперничать. Все это – проблемы для общества.

Поэтому-то представители примитивных народов не соперничают друг с другом. Они просто наслаждаются жизнью. Кто из них беспокоится о том, чтобы иметь дом побольше? Кто заботится об увеличении банковского счета? Зачем? Вы счастливы со своей женщиной или со своим мужчиной, и вы участвуете в танце жизни. Кому охота часами сидеть на рынке – день за днем, год за годом – в надежде, что в конце концов у вас вырастет счет в банке и

тогда вы выйдете на пенсию и будете наслаждаться жизнью? Этот день никогда не наступит. Он не может наступить, потому что всю жизнь вы остаетесь аскетами.

Помните: бизнесмены – аскетичные люди. Они все принесли в жертву деньгам. Человек, который знает, что такое любовь, и которому знакомы любовный трепет и экстаз, не будет соперничать. Он будет счастлив, если сможет обеспечить себя хлебом насущным. В этом смысл молитвы Иисуса: «Дай нам хлеб наш насущный». Хлеба насущного – более чем достаточно. В наше время Иисус выглядит дураком. Ему бы следовало попросить: «Дай нам счет в банке». Он же просит только о хлебе насущном. Радующийся человек никогда не просит большего. Радость полностью удовлетворяет его.

Только неудовлетворенные люди соперничают друг с другом, так как они думают, что жизнь протекает не здесь, что она – там. «Я должен попасть в Дели и стать президентом». Или попасть в Белый дом и стать тем или этим. «Я должен ехать туда, радость – там», – они считают, что здесь радости нет. Поэтому они все время едут, едут, едут, едут. Они все время едут и никогда не прибывают на место. А тот, кто знаком с радостью, находится здесь. Зачем ему ехать в Дели? Ради чего? Он полностью счастлив *здесь-и-сейчас*. Его потребности очень невелики. У него нет желаний. У него, конечно, есть кое-какие потребности, но желаний нет. Потребности можно удовлетворить, желания – никогда. Потребности естественны, желания относятся к извращениям.

Сейчас все благополучие общества зависит от единственной вещи – от подавления секса; в противном случае экономика развалится. Войны прекратятся, и вместе с ними исчезнет весь военный механизм. Политика станет бессмысленной, и политики больше не будут важными фигурами. Если людям будет позволено любить, деньги перестанут цениться. Ведь когда им не позволяется любить, деньги становятся заменой, деньги становятся их любовью. Так что это хитрая стратегия. Секс должен подавляться, иначе вся структура общества тут же развалится.

Только любовь, выпущенная на свободу, совершит переворот. Коммунизм, фашизм, капитализм терпят поражение. Все «измы» терпят поражение, потому что в основе своей они подавляют секс. В этом смысле нет никакой разницы между Вашингтоном и Москвой, Пекином и Дели – никакой разницы. Все они согласны в одном: секс должен быть под контролем, нельзя позволять невинно наслаждаться сексом.

Чтобы восстановить равновесие и нужна тантра. Тантра – это терапевтическое средство, поэтому она делает такой сильный акцент на сексе. Так называемые религии утверждают, что секс – это грех, а тантра говорит, что секс – исключительно божественный феномен. Тантра – это лекарство. Дзэн – не лекарство. Дзэн – это состояние, когда болезни больше нет, – и, разумеется, нет необходимости в лекарстве. Стоит вам излечиться от болезни, как вы уже больше не будете носить с собой рецепт и пузырек с лекарством. Вы их выбросите. Они отправятся в мусорный ящик.

Общество против секса; тантра нужна, чтобы помочь человечеству вернуть секс. А когда секс возвращен, тогда появляется Дзэн. Дзэн ни к чему не имеет отношения. Дзэн – это просто здоровье.

Четвертый вопрос:

> *Ошо,*
>
> *Все ли в порядке с миром? И что надо делать с любовью? Когда ты говоришь, что с миром все в порядке, мне кажется, что это действительно так. Если кто-то другой так говорит или я сам, то это воспринимается совсем иначе.*

Все зависит от того, кто говорит. Когда я говорю, что с миром все в порядке, я не предлагаю вам теорию, а делюсь своим видением. На самом-то деле слово «теория» – греческого происхождения и означает «видение». Когда я вам что-нибудь говорю, это не ментальный мусор; я делюсь своим опытом. В те моменты, когда вы доступны и открыты мне, у вас тоже появляется такое же видение; немножко моего видения проникает в вас. На какой-то миг дверь открывается, и вы говорите: «Да, это так».

Если кто-то другой говорит и при этом излагает не свое собственное видение… Даже когда вы кому-нибудь говорите что-то, но это уже больше не ваше видение, а всего лишь заимствованный взгляд, ваши слова не произведут должного впечатления. Если такой человек, как Будда, скажет неправду, она будет звучать как правда. А если вы будете говорить даже правду, она будет казаться ложью.

Все зависит от того, откуда это исходит, от источника; не от того, что вы говорите, а от того, кто говорит. Вы можете повторять слова Христа, но никто и не подумает вас распинать. Почему? Почему вас не распинают? Вы можете продекламировать всю Нагорную проповедь, и вас не тронут. Именно этим занимаются люди по всему миру – христианские священники, миссионеры, свидетели Иеговы. Самые разные люди это делают – таскают с собой Новый Завет, цитируют его, повторяют эти слова, и никто их не распинает. Почему? Что произошло, когда эти слова произнес Иисус? Тогда в этих словах был огонь. Иисус делился своим видением. Когда вы повторяете их, никакого видения нет; это не более чем слова. В них нет страсти, нет силы, нет истины. Истина приходит только через опыт.

Вы спрашиваете: «Все ли в порядке с миром?» Когда я говорю, что с миром все в порядке, что я имею в виду? Я имею в виду, что это единственный мир и никакого другого мира нет. Вам не с чем сравнивать. В порядке или не в порядке – к делу не относится. Это единственный мир, который есть, другого нет. Вы не можете сравнивать, лучше он или хуже. Сравнение невозможно. Сравнение уместно, если есть два мира.

Поэтому, когда я говорю, что с миром все в порядке, я имею в виду, что сравнивать не с чем. Почему люди говорят, что этот мир неправильный? Потому что они создали утопию в своих умах и сравнивают мир с этой утопией. У них есть представление о том, как все должно быть устроено, и теперь ничто не кажется им правильным, поскольку это не соответствует их утопической идее. Если бы, думаете вы, у человека могло быть четыре глаза… И это кажется весьма логичным: еще два глаза сзади. Два глаза спереди – вроде бы неправильно. А как насчет того, чтобы еще и сзади? Вдруг кто-нибудь подкрадется со стороны спины и ударит вас? Выходит, бог упустил кое-что… два глаза сзади. В таком случае все устроено неправильно – у человека только два глаза, а должно быть четыре. Значит, что-то с ним не в порядке. Но человек остался тем же самым; просто вы создали идею, а идея оказалась непригодной.

Человек должен жить больше семидесяти лет. Почему? Когда вы решите, что человек должен жить семьсот лет, тогда семьдесят лет будут выглядеть очень убого. Но зачем? Что вы будете делать здесь целых семьсот лет? Неужели вы считаете, что семидесяти лет недостаточно, чтобы нести вред и разрушение? Вам нужно семьсот лет? Только подумайте об Адольфе Гитлере, живущем семьсот лет…

Как только у вас появляется идея, цель, тогда все идет не так, как надо. У меня нет никаких идей, я не создаю утопий, я абсолютно реалистичен. В моем уме нет идеалов. И поэтому для меня существует только один мир, в котором розы – красные, деревья – зеленые, а люди – такие, какие они есть. И этот мир абсолютно прекрасен.

«Все ли в порядке с миром? И что надо делать с любовью?»

Много чего надо делать с любовью. Вы можете любить только тогда, когда с миром все в порядке. Если мир не в порядке, вы становитесь политиком. Политик находится в зависимости от идеи о неправильном устройстве мира: он должен совершить революцию, изме-

нить порядок вещей, расставить все по своим местам, должен превзойти самого бога. Таков ум политика. У политика нет любви, он относится ко всему с неодобрением и осуждением.

Религиозный ум свободен от всякого рода осуждения. Иисус говорит: «Не судите». Религиозный ум не судит, не осуждает, следовательно, он способен любить. И запомните: то же самое происходит и с вами – вы можете любить только тогда, когда вы не судите. Если у вас слишком много идей, связанных с осуждением, вы никогда не сможете любить. Вы будете навязывать свои идеи тому, кто станет жертвой вашей так называемой любви. Даже если у вас родится ребенок, вы тут же возьмете его в оборот и начнете манипулировать, управлять им, улучшать его. И вы его разрушите. Именно так каждый из вас был разрушен родителями и обществом.

Если вы влюбляетесь в женщину, вы сразу же принимаетесь улучшать ее, поднимать до уровня, которому она должна соответствовать. И женщина, разумеется, тоже великий усовершенствователь. Если вы станете жертвой любви женщины, тогда вас уже больше не будет. Тогда она улучшит вас настолько, что сделает из вас что-то совсем другое. Через несколько лет вы уже не сможете узнать, кто вы такой. Она будет пилить вас, обрабатывать, гнуть свою линию и постоянно напоминать: веди себя таким-то образом, говори то-то, разговаривай так-то.

Одна молодая женщина влюбилась в мужчину. Эта женщина была католичкой, а мужчина – иудеем. Родители женщины очень встревожились и сказали:

– Мы не можем позволить тебе встречаться с ним.

Они были очень богаты и предупредили ее:

– Если ты выйдешь замуж за этого человека, мы лишим тебя наследства.

А она была единственным ребенком, так что все деньги достались бы ей. Это было бы уже слишком, поэтому она спросила у родителей:

– Что я должна сделать?

Они сказали:

– Сначала попробуй обратить его в нашу веру, пусть он станет католиком – тогда…

Она попробовала и осталась очень довольной, потому что он согласился: ведь еврея больше интересуют деньги, чем женщины. Еврей есть еврей, и он согласился. Он начал читать Библию, стал ходить в церковь – и делал это с большим энтузиазмом. Женщина была довольна – все шло как нельзя лучше. Каждый месяц она сообщала родителям, что все идет прекрасно.

Но однажды дочь пришла домой в слезах. Отец спросил ее:

– Что это значит? В чем дело?

Она побывала у этого мужчины, чтобы узнать о дне свадьбы, полагая, что тот уже готов. И она сказала отцу:

– Да, он готов, но я перестаралась, я слишком сильно переделала его.

Отец был озадачен.

– Я не понимаю. Что ты имеешь в виду под «слишком сильно»?

– Я переборщила. Теперь он хочет стать католическим монахом.

То, что вы называете любовью, является в большей или меньшей степени попытками улучшить другого человека. Вы продолжаете утверждать, что желаете изменить другого, потому что любите его. Это абсолютная неправда. Если вы любите кого-то, вы никогда не будете его переделывать. Любовь принимает другого таким, каков он есть. Любовь относится к другому с уважением.

Если мир, в котором вы живете, устраивает вас, вы будете любить этот мир. Революционеры, политики не могут его любить; только люди с религиозным сознанием способны любить. И когда вы любите, вы узнаете, что мир даже еще лучше, чем вы думали. Тогда вы любите мир еще сильнее и находите, что он чрезвычайно прекрасен, а не просто «в порядке». Появляется все больше любви… и мало-помалу вы обнаруживаете, что мир исчезает. Что мир – это сам Бог.

Пятый вопрос:

Ошо,

Первым мертвым человеком, которого я увидела, была моя бабушка. Она лежала и выглядела такой бледной и умиротворенной, такой спокойной и счастливой, открытой и недоступной одновременно. Я завидовала и в то же время испытывала страх. Мне казалось, что ей, должно быть, очень одиноко. Она стала недосягаема для меня.

Когда в твой день рождения, дорогой Ошо, я увидела тебя во время даршана, у меня было точно такое же ощущение. Не чувствовал ли ты себя очень, очень одиноко посреди всего этого шума, толкотни и суеты? Ты был так далеко от меня в своем священном безмолвии, как никогда раньше. Ты – мертвый и живой одновременно?

Смерть прекрасна, так же прекрасна, как и жизнь, – если только вы знаете, как поддерживать связь со смертью. Она прекрасна, так как это полное расслабление. Она прекрасна, потому что человек в этот момент попадает в источник существования, – чтобы иметь возможность расслабиться, отдохнуть, подготовиться к возвращению назад.

Волна в океане устремляется вверх, потом опускается, потом опять вздымается. В какой-то другой день она родится в иной форме. А потом снова опустится и исчезнет в океане.

Смерть – это просто исчезновение в источнике, уход в непроявленное. Смерть – это погружение в божественный сон. В ней вы снова расцветаете, снова видите солнце и луну. И это будет повторяться без конца, пока вы не станете буддой – пока не обретете способность к сознательному умиранию, не научитесь сознательному расслаблению при погружении в божественное. Тогда уже невозможно вернуться назад. Это будет полная смерть, окончательная смерть. Обычная смерть – это смерть временная; вы будете снова возвращаться. Когда умирает будда, он умирает навсегда. В его смерти есть качество, присущее вечности. Но даже временная смерть прекрасна.

Вы правы, я мертв и жив одновременно. Как личность – я мертв. Как некто – я мертв. Как «никто» – я жив.

В вопросе говорится: «Первым мертвым человеком, которого я увидела, была моя бабушка. Она лежала и выглядела такой бледной и умиротворенной, такой спокойной и счастливой, открытой и недоступной одновременно. Я завидовала и в то же время испытывала страх».

Помните, что ваше отношение ко мне может быть таким же, вы можете так же завидовать и вместе с этим бояться. Вам нужно отбросить страх, потому что он может помешать вам – помешать наслаждаться той возможностью, которая есть в вашем распоряжении. Очень трудно найти того, кто является *никем*, – вы нашли. И пока вы тоже не станете *никем*, все время помните, что вы упускаете свой шанс. Умрите, как умер я, и тогда будете такими же живыми, как я.

Существованию нет никакого дела до чьей-либо личности. Существованию нет никакого дела до чьего-либо «я». В основе существования лежит пустота – чистая и девственная.

Я делаю ее доступной для вас. Отбросьте свой страх, подойдите поближе ко мне. Позвольте мне быть вашей смертью и вашим новым рождением.

Дзэн-мастер Бунон сказал: «Пока живешь, будь мертвым, будь совершенно мертвым и веди себя так, как тебе нравится, и все будет хорошо».

Последний вопрос:

Ошо,
Всегда ли знание опасно?

Не всегда. Знание не опасно, опасна эрудиция. Знать – не так уж и плохо, но не помнить о тайне жизни – действительно опасно. А знание не всегда опасно; иногда оно может здорово помочь.

Короткий анекдот.

Морин, жена ирландца Педди, в срочном порядке была доставлена в госпиталь. Девять месяцев беременности, и вот теперь, потрудившись, она дала жизнь двум прекрасным девочкам-близнецам.

Холодным осенним вечером, после целого дня работы на стройке, ирландец Педди пришел в больницу навестить жену.

– О, привет, моя маленькая, моя сладенькая, моя любимая, – проворковал он своей Морин, приблизившись к ее кровати. Когда он увидел на руках медсестры двух крошечных младенцев, в его правом глазу мелькнуло любопытство.

– У меня двойняшки, милый, – сказала Морин.

Долгих десять минут Педди сидел совершенно ошеломленный, не зная, как это понимать.

Прозвенел звонок, Педди чмокнул жену и вышел.

– Клянусь богом! – бормотал он, идя по длинному коридору. – Если я найду того педика – убью!

На сегодня – достаточно.

Глава 3. Колесо дхармы

Глава 3

Колесо дхармы

«Ибо бодхисаттва, совершающий даяние, не должен быть привязан к чему бы то ни было, как и не должен быть привязан ни к какому месту… Совершая даяние, он также не должен быть связан какой-либо идеей. И почему? Потому что заслуги такого пробужденного существа, которое ничем не связано при совершении даяния, не поддаются измерению…»

Превосходнейший продолжил: «Как ты думаешь, Субхути, можно ли распознать Татхагату по каким-либо видимым признакам?»

«Нет, конечно, О Превосходнейший», – ответил Субхути. – И почему? Как учит Татхагата, то, что принимается за обладание признаками, на самом деле есть отсутствие всяких признаков».

Превосходнейший сказал: «Там, где есть обладание признаками, – там обман; там, где признаков нет, – там нет обмана. Поэтому Татхагату можно распознать, если принять за признак отсутствие каких-либо признаков».

Субхути спросил: «Будут ли в следующем веке, через пятьсот лет, во времена упадка учения о добродетели существовать люди, которые, прочитав эту сутру, смогут понять ее истинный смысл?»

«Не говори так, Субхути! – ответил Превосходнейший. – Да, даже тогда будут существовать люди, которые, прочитав сутру, смогут понять ее истинный смысл.

Ибо даже в те времена, Субхути, будут существовать бодхисаттвы… И эти бодхисаттвы, Субхути, не будут почитать только одного-единственного Будду, не будут черпать свои добродетели из одного-единственного Будды. Наоборот, Субхути, эти бодхисаттвы, прочитав сутру и обретя хоть чуть-чуть истинной веры, будут почитать сотни тысяч будд, будут черпать свои добродетели из сотен тысяч будд.

Знает об этих бодхисаттвах Татхагата благодаря знанию Будды. Видит их Татхагата благодаря видению Будды. Татхагате все о них известно, Субхути. И все они обретут неисчислимые заслуги».

«Следовательно, Субхути, слушай хорошо и внимательно», – говорит Гаутама Будда. Эти слова кажутся странными – ведь Будда обращается к *бодхисаттве*. Они не казались бы странными, если бы были обращены к обычному человеку. Любому понятно, что обычный человек должен слушать внимательно. Слушать так трудно. Слушать – значит быть *здесь-и-сейчас*. Слушать – значит быть совершенно без мыслей. Слушать – значит быть бдительным и осознанным. Только тогда, когда соблюдены эти условия, вы действительно слушаете.

Ум ведет себя как маньяк, неистовый маньяк. В уме одновременно вертится тысяча и одна мысль, устремляясь то в прошлое, то в будущее. Как вы можете слушать? Как бы вы ни слушали, ваше слушание никогда не будет правильным. Вы слышите что-то совсем другое, то, о чем вовсе не говорилось. Вы упускаете смысл сказанного, – так как вы не настроены на одну волну с говорящим. Вы, конечно, слышите слова, поскольку вы не глухие, но это не слушание.

Вот почему Иисус говорил своим ученикам: «Имеющий уши да услышит. Имеющий глаза да увидит». Эти ученики не были ни слепыми, ни глухими. Их глаза и уши были такими же здоровыми, как и ваши. Однако слова Иисуса не кажутся странными, они вполне уместны. Он обращается к обычным людям и должен привлечь их внимание. Но слова Будды звучат странно – он обращается к бодхисаттве, к великому существу, к пробужденному, к тому, кто вот-вот станет буддой.

Что именно имеется в виду, когда он говорит: *«Следовательно, Субхути, слушай хорошо и внимательно»?*

Слушать хорошо значит находиться в момент слушания в состоянии глубокой восприимчивости. Вы же, когда слушаете, все время что-то доказываете, судите, все время твердите себе: «Да, это правильно, потому что совпадает с моей идеологией, а это неправильно, так как кажется мне нелогичным. В это я могу поверить, а в это – нет…» Постоянно занимаясь сортировкой, вы не способны слушать хорошо.

Когда вы слушаете, вмешивается ваш ум, наполненный прошлым. Кто же на самом деле судит? Не вы – ваше прошлое. Вы что-то читали, что-то слышали, у вас сложилось определенное отношение к некоторым вещам. Прошлое постоянно вмешивается. Прошлое стремится увековечить себя и не позволит помешать этому. Оно не позволит проникнуть в вас ничему новому и впустит только то, что ему знакомо. Вот что происходит, когда вы судите, критикуете, спорите.

Слушать правильно – значит слушать, пребывая в состоянии послушания. Слово «послушание» прекрасно. Вы удивитесь, узнав, что корень, от которого происходит слово «послушание», означает «всеобъемлющее слушание». Почему послушание означает «всеобъемлющее слушание»? Разве это одно и то же? Да, это одно и то же. Если вы будете слушать очень внимательно, тотально, вы преисполнитесь послушания. Если истина здесь, вы преисполнитесь послушания. Вам не нужно будет ни во что вмешиваться. Истина самоочевидна. Если вы однажды услышали ее, то из этого автоматически вытекает, что вы будете следовать ей. Однажды услышав ее, вы проникнитесь послушанием.

Итак, пребывать в состоянии послушания – значит слушать всеобъемлюще. Или, как говорят евреи, «слушать открытыми ушами». Если вы слушаете и внутри вас нет беспокойства, если вас ничто не отвлекает, вы не только «открываете уши», вы открываете свое сердце. И если в ваше сердце попадет семя, рано или поздно оно станет деревом, которое когда-нибудь расцветет. Для того, чтобы семя превратилось в дерево, потребуется совсем немного времени – нужно лишь дождаться весны. Вы обязательно преисполнитесь послушания, когда встретитесь с истиной.

Именно поэтому ум не хочет, чтобы вы о ней слышали, – он знает: если истина однажды услышана, от нее уже нельзя скрыться. Так что, если вы не хотите иметь дело с истиной, лучше не слушайте. Иначе вы будете пойманы истиной, иначе вам от нее не скрыться. Как

вы можете скрыться, если знаете, что такое истина? Тогда само это знание рождает в вас дисциплину, которой вы начинаете следовать. И это не что-то такое, что вам навязывается, это приходит само по себе.

Вам придется вынуть затычки из ушей. Что это за затычки? Страх перед истиной – вот что это. Вы боитесь истины – несмотря на то, что говорите, снова и снова говорите: «Я хочу знать истину». Вы боитесь истины, потому что жили во лжи. Вы обманывали себя очень долго, и теперь ложь боится, что ей придется уступить место истине. Ложь стала вашим хозяином. Точно так же, как тьма боится света, ложь боится истины. В тот миг, когда вы приближаетесь к истине, ум становится очень беспокойным. Он начинает волноваться, поднимает вокруг вас много пыли, целое облако пыли, чтобы вы не смогли услышать, что такое истина.

Затычки из ушей должны быть вынуты. Главная затычка – это страх. Вы буквально скованы страхом. Будда говорил: пока вы не станете бесстрашными, вы не достигнете истины. Посмотрите на ваши религии, на то, что вы сотворили. Все ваши так называемые религии основаны на страхе. А пока есть страх, путь к истине закрыт; только бесстрашие знает, что такое истина.

Когда вы отбиваете поклоны в церкви, или в мечети, или в храме – статуе, писанию, традиции, – откуда исходят ваши поклоны? Просто загляните внутрь – и вы обнаружите страх, страх и страх. Из страха не может возникнуть вера, но так называемая вера целиком основана на страхе. Вот почему в мире очень редко встречаются люди с верой – вера возможна, когда страх исчез, когда он умер.

Вера означает доверие. Как может доверять человек, наполненный страхом? Он все время раздумывает, хитрит, постоянно защищается, спорит. Как он может доверять? Чтобы доверять, требуется мужество. Чтобы доверять, нужно быть храбрым. Нужно уметь рисковать, уметь встречаться с опасностью.

Как раз недавно я разглядывал китайский иероглиф, означающий «кризис», и он меня заинтриговал. Дело в том, что китайская идеограмма кризиса содержит два аспекта: один означает опасность, другой – возможность. Да, это критический момент, когда вы одновременно стоите лицом и к опасности, и к возможности. Если вы избегаете опасности, то упускаете возможность. Если вы хотите воспользоваться возможностью, вам придется столкнуться с опасностью. Только те, кто знает, как жить в опасности, религиозны. Страх – это главная затычка для ушей. Есть и другие, но все они вытекают из страха: осуждение, спор, цепляние за прошлое, непозволение войти в ваше бытие новому.

Во многих, многих языках слово «послушание» является как бы усиленной формой слова «слушание». Все эти слова просто говорят о страстном, усиленном, тотальном слушании. И еще одно. Вы удивитесь, узнав, что по смыслу слово «абсурд» прямо противоположно слову «послушание». *Absurdus* означает «абсолютно глухой». Поэтому, если вы утверждаете, что нечто является абсурдом, вы таким образом хотите сказать: «Я абсолютно глух к тому, что вы говорите». Замените это на послушание, и тогда вы будете способны слушать, тогда вы «откроете» свои уши, тогда вы будете полностью открыты.

Это нормально – сказать обычному человеку: «Слушай внимательно». Но почему Будда говорит так Субхути? Поймите одну очень важную вещь. Слово само по себе не имеет никакого смысла; смысл в нем появляется только тогда, когда оно к кому-то обращено. Вы не найдете информацию о смысле слова ни в одном словаре, потому что словари написаны не для бодхисаттв, они написаны для обычных людей.

Так что же означают слова: *«Слушай хорошо и внимательно»*? Прежде всего вам нужно понять: когда речь идет о таком человеке, как Субхути, то вопрос о затычках для ушей не встает вообще. Потому что не встает вопрос о его открытости Будде; Субхути открыт, в этом нет никакого сомнения. Нет никакого сомнения в том, что ему уже нет необходимости

спорить с Буддой; он полностью на его стороне, они плывут в одном потоке. Но когда человек достиг уровня бодхисаттвы, когда он уже готов стать буддой, появляется несколько новых проблем.

На каждой новой ступени сознания есть свои проблемы. Проблема бодхисаттвы заключается в том, что он открыт, восприимчив, он готов, но он утратил связь со своим телом. Его сердце открыто, его сущность открыта, но он больше не укоренен в теле. Он стал отделенным от тела – тело просто отпущено на волю. Он не живет в теле, практически не отождествляет себя с ним – в этом проблема.

Когда вам кто-нибудь говорит: «Слушайте хорошо», он имеет в виду, что ваше тело слушает, но вы не слушаете. Когда Будда обращается к Субхути, он имеет в виду следующее: «Ты слушаешь, но твое тело не слушает». Все наоборот. Когда вы слушаете, ваше тело здесь, но вы отсутствуете. Слова достигают уха, производят в нем шум и вылетают из другого уха. Они никогда не пересекаются с вашей сущностью; ваша сущность не входит с ними в контакт. С таким человеком, как Субхути, все наоборот. Его сущность здесь, а его тело отсутствует. Он потерял связь со своим телом. Он забывает, он имеет тенденцию забывать о теле. Бывают моменты, когда он вообще не думает о теле. И тогда он здесь, но его тело отсутствует. Он стал бестелесным.

Итак, слушание возможно лишь тогда, когда присутствуют и тело, и душа. В вас присутствует тело и отсутствует душа. В Субхути присутствует душа и отсутствует тело. В этом смысл слов Будды, когда он говорит: «Субхути, слушай хорошо». Приведи сюда свое тело. Пусть твое тело функционирует. Войди в тело, укоренись в нем, потому что тело – это проводник, тело – это инструмент, посредник.

Будда также говорит: *«...и внимательно»*. Разве Субхути недостает внимательности? Это невозможно, иначе он не был бы пробужденным существом. Пробужденный – это тот, кто стал внимательным, знающим, бдительным, осознанным, кто больше не является роботом. Тогда почему Будда говорит: «Будь внимателен, слушай внимательно!» За этим снова стоит особый смысл.

Такой человек, как Субхути, имеет склонность погружаться в себя. Если он не сделает усилия, он утонет в своей сущности, потеряется в ней. Он может оставаться снаружи только тогда, когда совершает усилие. С вами все как раз наоборот: вы с очень большим усилием входите в свою внутреннюю сущность. На один-единственный миг мысли останавливаются, и вы растворяетесь в блеске и великолепии своего внутреннего «я». Но это случается редко и после долгих и трудных усилий: медитации, йоги и всего остального. И лишь тогда на несколько мгновений на вас нисходят красота и благословение. Облака исчезли, небо стало чистым, и вот он – свет, и вот она – жизнь, и вот она – высшая радость. Но это лишь редкие мгновения… Все это снова и снова теряется. И все-таки, если вы приложите усилие и будете внимательны, вы получите этот внутренний опыт.

В случае с Субхути все наоборот. Он потерялся внутри себя, он полностью утонул во внутренней радости. До тех пор, пока он не сделает усилия, он не сможет услышать, что говорит Будда. Он в совершенстве овладел способностью слушать молчание Будды. Когда Будда молчит, есть контакт с ним, но если Будда говорит, Субхути должен сделать усилие, он должен взять себя в руки, вынырнуть из глубины, войти в свое тело, стать очень внимательным. Он опьянен своим внутренним блаженством.

Поэтому Будда и произносит эти странные слова: *«Слушай хорошо и внимательно»*. И сейчас я впервые объясняю вам смысл этих слов. Двадцать пять веков их никто не комментировал. Они воспринимались слишком упрощенно, так, словно Будда говорил их обычному человеку. Но Будда разговаривал не с обычным человеком.

За двадцать пять столетий их никто не прокомментировал верно. Люди думали, что понимают смысл этих слов. Смысл слов может меняться; он зависит от того, кто их произ-

носит и для кого они предназначены. Смысл зависит от контекста и обстоятельств. Сами по себе слова не имеют смысла. Они бессмысленны. Смысл появляется только в определенной ситуации.

Сейчас такая ситуация – большая редкость. Будда же использовал эти слова тысячи раз; каждый день он обращался с ними к людям: «Слушайте хорошо, внимательно». Но те, кто комментировал Алмазную сутру, многое упустили. Я думаю, что комментаторы не были людьми знания. Они хорошо владели языком, но совершенно не осознавали странность ситуации. Будда обращался не к обычному человеку, он обращался к тому, кто уже приближался к состоянию буддовости, кто готов был стать буддой.

И он начинает свой монолог со слова «следовательно»: *«Следовательно, Субхути, слушай хорошо и внимательно»*. Нет никакой логики в том, чтобы использовать здесь слово «следовательно». Оно уместно там, где является частью, заключительной частью рассуждения. Например: «Все люди смертны. Сократ – человек, следовательно, Сократ смертен». В этом случае слово «следовательно» совершенно уместно. Здесь оно предшествует заключению и является частью рассуждения. Но в случае с Буддой логика отсутствует, у него перед этим словом ничего не стоит, нет никакой вступительной части, никакой предпосылки. Он просто начинает со слова, которое должно предшествовать заключению, – *«следовательно»*.

Это слишком странно, но таков метод Будды. Вот как в Сутре Сердца он обращается к Сарипутре: «Следовательно, Сарипутра…» Теперь он говорит: «Следовательно, Субхути…» Ни Субхути, ни Будда не сказали ничего такого, к чему можно было бы отнести слово «следовательно». Но достаточно уже самого присутствия Субхути. Слово «следовательно» относится к этому присутствию; ничего более важного не существует.

Мастер откликается на то, что в вас присутствует. Он больше откликается на ваше молчание, чем на ваши слова. Мастера больше интересует ваш поиск, чем ваши вопросы. Его больше интересуют ваши намерения, чем ваши вопросы. Это «следовательно» указывает на едва уловимую потребность сокровенной сущности Субхути. Может быть, сам Субхути ее пока не осознает, может быть, ему потребуется еще какое-то время для этого.

Мастер должен постоянно вглядываться в сущность ученика и откликаться на его внутренние потребности – выраженные или невыраженные, неважно. Чтобы обнаружить эти потребности, ученику, предоставленному самому себе, могут понадобиться месяцы или даже годы, а может, и несколько жизней. Мастер вглядывается не только в ваше прошлое или настоящее, но и в ваше будущее. Его интересует, какими будут ваши потребности завтра и послезавтра, в этой жизни и в следующей. Мастер следит за всем вашим путешествием. Так что это «следовательно» имеет отношение к потребностям внутренней сущности Субхути.

Теперь – сама сутра.

> **«Ибо бодхисаттва, совершающий даяние, не должен быть привязан к чему бы то ни было, как и не должен быть привязан ни к какому месту…»**

Вот то, ради чего Будда использует слова: *«Следовательно, Субхути, слушай хорошо и внимательно»*. Глубоко внутри Субхути, должно быть, жила едва уловимая идея: «Если я буду делиться с людьми тем, чего я достиг, моя заслуга будет велика».

Возможно, это не было выражено словами и даже еще не стало мыслью; это могло быть лишь ощущением, едва ощутимым волнением глубоко внутри. «Если я делюсь с людьми дхармой как даром…» А это величайший дар, как сказал Будда. Делиться с людьми своим просветлением – это самый великий дар. Кто-то делится деньгами, это – ничто. Даже если он не собирается делиться, деньги останутся здесь, когда он умрет. Кто-то делится еще чем-

нибудь. Но делиться просветлением – значит делиться вечностью, делиться божественным, делиться предельным. И это Будда назвал величайшим даром.

Итак, он советует Субхути делиться всем, чего он достиг. И создать намерение, *читтопад*, создать в себе великое намерение, что вы не оставите этот берег, пока не освободите всех человеческих существ. Совершите внутри себя решительное действие перед тем, как готовы будете исчезнуть. Пока ваша лодка не отчалила к другому берегу, разбудите в себе великое желание помогать людям. Это желание помогать людям будет, подобно цепи, связывать вас с этим берегом. Пока не слишком поздно, создайте намерение, *читтопад*. Привнесите в это всю свою энергию, скажите себе: «Я не оставлю этот берег, каким бы ни было искушение другого берега».

А искушение слишком велико. Когда все изменилось, и вы обрели способность двигаться к другому берегу, к которому вы так страстно стремились и по которому тосковали миллионы и миллионы жизней, велико искушение вообще здесь не оставаться. Зачем? Вы достаточно настрадались, и теперь у вас есть пропуск на вход в нирвану. А Будда говорит: «Откажись от пропуска, выбрось его и прими великое решение, что не покинешь этот берег, пока не освободишь всех человеческих существ».

В этот момент в сердце Субхути, в самой глубине его сущности, должно быть, возникло едва уловимое желание: «Какая великая идея! Сколько заслуг у меня будет от этого, сколько *пуньи*[3], сколько добродетелей». Наверное, это было что-то едва уловимое, то, что Субхути даже с трудом мог объяснить себе. Что-то мелькнуло в его подсознании лишь на секунду или долю секунды, но это отразилось в зеркале Будды.

Мастер – это зеркало. В нем отражается все, что есть в вас. Иногда он не ответит на заданный вами вопрос, потому что ваш вопрос может быть просто любопытством и не иметь ничего общего с вашей внутренней сущностью, или он может быть лишь демонстрацией вашей осведомленности. Или он нужен только для того, чтобы показать другим: «Вот, смотрите, какой я великий искатель. Я задаю такие чудесные вопросы». Вопрос может быть не экзистенциальным, а лишь интеллектуальным. Тогда мастер не будет на него отвечать.

А иногда мастер может ответить на вопрос, который вы не задавали и не только не задавали, но никогда не знали, что он в вас есть. Но он имеет отношение к вашей самой сокровенной потребности.

Будда говорит:

> **«Ибо бодхисаттва, совершающий даяние, не должен быть привязан к чему бы то ни было, как и не должен быть привязан ни к какому месту…»**

Привязанность подразумевает наличие мотива. Она означает: «Я буду что-то иметь от этого». И в таком случае вы все упускаете. Тогда это уже не дар, а сделка. А нирвана может быть только даром, она не является предметом сделки. Это не бизнес. Вы должны делиться ею только во имя радости, получаемой от самого факта дарения. Вам не следует стремиться извлечь из этого выгоду. Если вы думаете о выгоде, вы не сможете никому помочь, потому что до сих пор сами нуждаетесь в помощи. Вы еще не стали свободными, у вас еще нет пропуска на другой берег. Вы можете повести не в том направлении, вам нельзя быть проводником.

Истинный дар возможен тогда, когда вы переполнены. Вы так переполнены просветлением, что оно переливается через край. Нужен кто-то, чтобы принять этот дар. И вы испытываете чувство благодарности, когда кто-нибудь его принимает, потому что тем самым он облегчает вашу ношу. Когда приходит облако и проливается на землю дождем, оно благо-

[3] Пунья (в перев. с санскрита и пали) – «благо», «добро», «заслуга».

дарно земле, потому что земля приняла влагу и облаку стало легко. Да, это происходит именно так.

Когда приходит просветление, оно бьет ключом. Вы можете делиться им столько, сколько захотите, а оно будет снова и снова наполнять вас, снова и снова переливаться через край. Этому не будет конца. Вы достигли вечного источника. Теперь вам нет необходимости быть скрягой, теперь вы не нуждаетесь в мотиве и не думаете о том, чтобы получить что-то взамен.

> **«Ибо бодхисаттва, совершающий даяние, не должен быть привязан к чему бы то ни было, как и не должен быть привязан ни к какому месту… Совершая даяние, он также не должен быть связан какой-либо идеей».**

Бодхисаттва не думает: «Это мой дар», он не думает: «Я дающий, а ты принимающий». Нет, все эти идеи и представления должны быть отброшены. Нет дающего, нет дара и нет принимающего; все – едино. Тот, кому вы помогаете, ничем не отличается от вас. Он – это вы. Просто представьте, что ваша левая рука передает дар правой руке… Нет никакой необходимости чувствовать себя из-за этого великим. Нет дающего, нет принимающего и нет дара.

> **«Совершая даяние, он также не должен быть связан какой-либо идеей. И почему? Потому что заслуги такого пробужденного существа, которое ничем не связано при совершении даяния, не поддаются измерению…»**

Вот еще одна проблема, с которой вы будете сталкиваться снова и снова. Ваши заслуги можно считать великими лишь в том случае, если вы о них не думаете. Когда вы думаете о заслугах, они улетучиваются. Если вы страстно желаете их, они вам никогда не достанутся. Но если вы забываете о них, они не заставляют себя ждать.

На более приземленном уровне справедливы слова Христа. Эти слова были обращены к обычным людям: «Просите, и дано будет вам. Ищите и обрящете. Стучите, и двери откроются». Но Будда обращается к Субхути, и он имеет в виду буквально следующее: «Проси, и тебе не будет дано. Ищи, и ты не найдешь. Стучи, и двери окажутся неприступными, как Великая Китайская стена, они никогда не откроются». И помните: различие возникает из-за аудитории. Иисус обращается к обычным людям – Будда разговаривает с выдающимся человеком.

> **Превосходнейший продолжил: «Как ты думаешь, Субхути, можно ли распознать Татхагату по каким-либо видимым признакам?»**
>
> **«Нет, конечно, о Превосходнейший», – ответил Субхути. – И почему? Как учит Татхагата, то, что принимается за обладание признаками, на самом деле есть отсутствие всяких признаков».**
>
> **Превосходнейший сказал: «Там, где есть обладание признаками, – там обман; там, где признаков нет, – там нет обмана. Поэтому Татхагату можно распознать, если принять за признак отсутствие каких-либо признаков».**

Эти слова похожи на головоломку, но это не так. Они выглядят как головоломка, но они не являются головоломкой. Однако на высоте, с которой говорит Будда, любые высказывания противоречивы; парадокс здесь становится средством выражения. В этой полноте бытия не остается ничего другого, как быть парадоксальным. Логика здесь теряет всякий смысл. Цепляние за логику не позволит двигаться дальше, не позволит говорить об истине. Истина обязана быть противоречивой.

Будда спрашивает: «Как ты думаешь, Субхути, можно ли распознать Татхагату по каким-либо видимым признакам?»

Буддистские писания утверждают, что будда обладает тридцатью двумя признаками сверхчеловека. Эти тридцать два признака – являются ли они решающим фактором? Для обычного человека – да, поскольку он не обладает никаким другим способом видения. Вы можете видеть только внешние признаки. Вы живете в мире символов и признаков. Но к такому человеку, как Субхути, который способен смотреть внутрь, который может заглянуть в будду, эти признаки уже не имеют отношения. И более того, не в природе будды обладать чем бы то ни было – даже этими тридцатью двумя признаками. Они ничего не значат. Будда очень прост, так как он ничем не обладает. Не обладать ничем – его единственный признак. Не обладать даже буддовостью – вот настоящий признак буддовости. В этом и заключается парадоксальность.

Настоящий будда – это тот, кто не имеет притязаний на звание будды, потому что все притязания обманчивы. Притязать – значит быть обманщиком. Будда ни на что не притязает, у него нет никаких притязаний. Он ничего не желает. Он не проявляет никакого интереса к тому, чтобы выставлять себя напоказ. Будда не заботится о том, чтобы заставить кого-либо поверить, что он является значительной личностью. Он полностью там – вы можете к нему присоединиться, слиться с ним в его танце, можете разделить с ним его празднование. Но он там не для того, чтобы что-то доказывать. Доказывая, вы тем самым подтверждаете, что вы еще не там. Будда ничего не отстаивает.

А эти внешние признаки создаются людьми, которые могут и не являться буддами. Можно придумать все что угодно. Например, то, что дыхание Будды абсолютно бесшумно – как будто он совсем не дышит. Но так может дышать любой йог, который вовсе не является буддой. Вы можете практиковаться в дыхании, можете делать специальные упражнения и можете привести свое дыхание к той точке, где оно почти останавливается. Вы даже можете одержать победу над Буддой.

Его дыхание успокаивается, потому что он стал спокойным, а не потому, что он занимался дыхательными упражнениями. Его дыхание спокойно, потому что он никуда не направляется, потому что все его желания исчезли; вот почему он дышит так медленно, почти незаметно. Причина не в том, что он великий йог, нет. Причина в том, что все желания отброшены, нет никакой спешки. Он просто вышел на утреннюю прогулку, он никуда не направляется. У него нет будущего, нет беспокойства.

Вам приходилось наблюдать? Когда вы беспокойны, дыхание становится возбужденным. Когда вы разгневаны, дыхание становится слишком частым. Когда вы занимаетесь любовью и появляется страсть, дыхание становится чересчур возбужденным, лихорадочным. Страсть Будды превратилась в сострадание, все желания были им отброшены – они исчезли… как упавшие с дерева листья. И его дыхание становилось все спокойнее, спокойнее и спокойнее.

Но если это называть признаком, тогда любой притворщик может этот признак продемонстрировать. Будда сидит абсолютно молча, в неподвижной позе, он все время остается в одной и той же позе. Но это может сделать всякий, нужно лишь немного практики, только от такой практики вы не станете буддой.

Поэтому Будда говорит:

«Там, где есть обладание признаками, – там обман…»

Если кто-нибудь утверждает: «Смотрите, я будда! У меня есть признаки будды», – тогда это обман, потому что само это утверждение служит доказательством обмана.

«…там, где признаков нет, – там нет обмана. Поэтому Татхагату можно распознать, если принять за признак отсутствие каких-либо признаков».

Почему Будда вдруг спрашивает об этом Субхути? Должно быть, в Субхути возникло искушение – это нужно понять. В Субхути не могло не возникнуть искушение. Он уже на пороге того, чтобы стать буддой. Искушение не могло не возникнуть. «Скоро я стану обладателем тридцати двух признаков. Скоро я стану буддой, я буду провозглашен буддой. У меня будет тридцать два признака».

Это могло быть неосознанным желанием, всего лишь «легким волнением»… Кто устоит перед искушением при виде Будды и его тридцати двух признаков, его величия, его красоты? А Субхути уже совсем близок к этому состоянию. Будда говорит о том, что нужно совершать даяние так, как будто вы его не совершаете, о том, что, если вы можете совершать даяние и при этом не думать о дающем, о даре и о принимающем дар, ваша заслуга будет велика… Слушая слова Будды, Субхути не мог не поддаться искушению. Это искушение могло быть едва уловимым, но оно было. «Ага! Имея столь великую заслугу, я стану буддой. У меня будет тридцать два признака, будет тот же аромат, какой окружает Будду, то же изящество, то же величие, та же благодать!» Где-то внутри него должно было возникнуть искушение.

Почувствовав это, Будда говорит: *«Как ты думаешь, Субхути, можно ли распознать Татхагату по каким-либо видимым признакам?»* Пока вы не почувствуете этот скрытый мотив в сознании или подсознании Субхути, вы не поймете Алмазную сутру.

Субхути спросил: «Будут ли в следующем веке, через пятьсот лет, во времена упадка учения о добродетели существовать люди, которые, прочитав эту сутру, смогут понять ее истинный смысл?»

Вы будете удивлены, но именно сейчас то самое время, о котором говорит Субхути, а вы – те самые люди. Прошло двадцать пять столетий. Субхути спрашивал о вас.

Будда говорил, что всякий раз, когда рождается религия, когда будда поворачивает колесо дхармы, это колесо, естественно, начинает постепенно останавливаться. Оно теряет инерцию. Вы поворачиваете колесо, оно начинает вращаться. Затем проходит какое-то время, и наступает момент, когда оно останавливается.

После того как будда приводит в движение колесо дхармы, требуется две с половиной тысячи лет, чтобы оно полностью остановилось. Через каждые пятьсот лет оно теряет инерцию. Это пять веков дхармы. Через каждые пятьсот лет дхарма будет убывать и убывать, а через двадцать пять столетий колесо остановится. Чтобы привести его в движение на следующие двадцать пять столетий, потребуется другой будда.

Это явление необычное. То, о чем Субхути спрашивает Будду, действительно вызывает сильный интерес:

«Будут ли в следующем веке, через пятьсот лет, во времена упадка учения о добродетели существовать люди, которые, прочитав эту сутру, смогут понять ее истинный смысл?»

«Не говори так, Субхути! – ответил Превосходнейший. – Да, даже тогда будут существовать люди, которые, прочитав сутру, смогут понять ее истинный смысл.

Ибо даже в те времена, Субхути, будут существовать бодхисаттвы… И эти бодхисаттвы, Субхути, не будут почитать только одного-единственного Будду, не будут черпать свои добродетели из одного-единственного Будды. Наоборот, Субхути, эти бодхисаттвы,

прочитав сутру и обретя хоть немного истинной веры, будут почитать сотни тысяч будд, будут черпать свои добродетели из сотен тысяч будд.

Знает об этих бодхисаттвах Татхагата благодаря знанию Будды. Видит их Татхагата благодаря видению Будды. Татхагате все о них известно, Субхути. И все они, Субхути, обретут неисчислимые заслуги».

Будда говорит о вас. Вы ознакомились с этой сутрой. Прошло двадцать пять столетий. Субхути спрашивал о вас!

На днях я сказал, что многие из вас станут бодхисаттвами, многие из вас на пути к этому. Странно, что Субхути задал такой вопрос. И еще более странно то, что Будда говорит: «Через двадцать пять столетий люди будут не менее удачливыми, чем ты, они будут даже более удачливыми».

Почему? Я часто говорю вам, что вы – древние, что вы уже ходили по этой земле множество раз, что вы не впервые слышите о дхарме. И в своих прошлых жизнях вы встречали многих будд – иногда, может быть, Кришну, иногда – Христа, иногда – Махавиру, а иногда – Мухаммеда. Вы встречали многих-многих будд, многих просветленных людей.

Вам посчастливилось знать стольких будд, и если вы станете немного бдительнее, семена, посеянные в вас прошлыми буддами, прорастут и дадут побеги. И тогда вы расцветете.

Будда говорит:

Знает об этих бодхисаттвах Татхагата благодаря знанию Будды. Видит их Татхагата благодаря видению Будды. Татхагате все о них известно, Субхути.

Это совершенно непостижимо, но это возможно. Будда способен видеть будущее. Он может видеть сквозь дымку времени. Его чистота и его видение таковы, что он может пронзить лучом света неизвестное будущее. Он способен видеть. Вам может показаться мистикой то, что Будда видит вас, видит, как вы слушаете Алмазную сутру. С вашей точки зрения это кажется почти невероятным, потому что вы даже не знаете, как видеть в настоящем. Как же вы можете поверить, что кто-то способен смотреть в будущее?

Вам известна только одна возможность – это возможность смотреть в прошлое. Вы можете смотреть только назад. Вы ориентированы на прошлое. И что бы вы ни думали о вашем будущем, это не видение будущего, это лишь проекция модифицированного прошлого. Это совсем не будущее. Это ваше «вчера», которое пытается стать вашим «завтра».

Вы попробовали что-то вчера, и оно оказалось сладким, и вы хотите, чтобы завтра было снова то же самое – вот ваше будущее. Вы кого-то любили и в будущем снова хотите заняться любовью – вот ваше будущее. Это попытка воспроизвести прошлое, это совсем не будущее. Вы не имеете никакого представления о будущем. Вы не можете знать, что такое будущее, потому что вы даже не знаете, что такое настоящее. А настоящее доступно. Однако вы настолько слепы, что не можете увидеть даже то, что находится уже здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.